

Кровь за кровь

Автор:

Райан Гродин

Кровь за кровь

Райан Гродин

Волк за волка #2

Все борцы Сопротивления уверены – Яэль выполнила свою опасную миссию и застрелила Гитлера в прямом эфире с Бала Победителя. И лишь ей одной известно, что жертвой стал такой же как она подопытный доктора Гайера. А это значит, что девушке надо как можно скорее сообщить Райнигеру об этой ужасной подмене. Иначе вторую операцию «Валькирия» ждет такой же бесславный конец, как и первую. И все жертвы были напрасны.

Понимая, что только смерть Гитлера положит конец Новому порядку и успокоит волков на ее руке, Яэль полна решимости как можно скорее выбраться из столицы Восточно-азиатской сферы взаимного процветания. Однако и на этот раз в ее тщательно разработанный план вмешивается Лука Лёве...

Райан Гродин

Кровь за кровь

Ryan Graudin

Blood for blood

© 2016 by Ryan Graudin

© В. Савельева, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Кейт – талантливому писателю, настоящему другу

Сын человеческий, оживут ли кости сии?

– Иезекииль 37:3

Прелюдия

Три портрета накануне рождества

1945 год

I

В гостиной было тесно. Комната была слишком мала для матери, трёх её детей и кривой ветви, спиленной старшим сыном взамен рождественской ели. Всюду, куда бы он ни повернулся, Феликс Вольф натыкался на еловые иглы, мишуру и лица семьи. Дети с нетерпением смотрели на три скромных подарка под длинной и тонкой ветвью, дожидаясь разрешения матери.

– Только не порвите упаковочную бумагу, – напомнила она. – Нужно оставить её на следующий раз.

Мартин, как самый старший, пошёл первым. Свёрток с его подарком был самым маленьким и скрывал в себе поношенные карманные часы. Свой подарок Феликс открывал нежно, осторожно разворачивая уголки и разглаживая складки, чтобы отыскать игрушечную машинку. Не новую – с вмятиной на правой дверце и парой царапин на красной краске, – но Феликсу это было не важно. Как когда-то сказал его учитель: новые игрушки – это эгоизм, на них тратятся ресурсы, необходимые фюреру для победы в войне. Металл нужен для маузеров и пуль, а не для детских игр.

Адель порвала края упаковки. Внутри лежала кукла с жёлтыми волосами из ниток и синими пуговицами глаз со старой шёлковой блузки матери. Платье было сделано из обрезков её кобальтовой ткани, заботливо сшито маленькими узкими стежками.

Феликс сразу понял – в то самое мгновение, когда сестра замерла и уставилась на подарок, – что она расстроилась. Он всегда понимал подобные вещи.

– Я сшила ей и другие платья, – сказала мама. – Можешь каждый день менять ей наряды. И я научу тебя заплетать ей волосы в косы.

Косички самой Адель хлестнули по щекам, когда она замотала головой и оттолкнула коробку.

– Не хочу куклу! Почему мне нельзя машинку, как у Феликса?

Мать сжала губы. Глаза её заблестели, как бывало порой, когда она читала письма отца с фронта. От этой картины у Феликса сдавило внутренности.

– Вот. – Он подтолкнул к сестре свой подарок. – Можешь играть с моей.

Глаза Адель загорелись, она схватила машинку и принялась изображать рёв мотора, катая её по полу. Мартин увлечённо заводил часы. Феликс не совсем понимал, чем ему заняться теперь, без машинки. Но, по крайней мере, мама вновь улыбнулась и вытерла глаза, наблюдая за играющими детьми.

– Есть ещё один подарок, – объявила она.

Все трое замерли. Феликс посмотрел под «деревом», но других свёртков там не было. Вдруг им дадут апельсины? А может быть, маме удалось отложить немного продуктов и испечь имбирных пряников!

Мама прошла в другой конец комнаты, словно в танце огибая мятую бумагу, ноги и руки своих детей и брошенные игрушки. Она остановилась у двери в спальню и взялась за ручку. Феликс давно уже не видел такой широкой улыбки на её лице.

Дверь открылась. За порогом спальни, раскинув руки, стоял их отец. Он всё ещё был одет в военную форму, армейское кепи съехало с выгоревших на солнце волос, когда он опустил на колени, приветствуя детей.

Адель первой влетела в его объятия с восторженным криком «Папа!». Мартин – с собственными карманными часами, почти уже взрослый мужчина – попытался спрятать волнение за крепким рукопожатием. Феликс помедлил, наблюдая за воссоединением семьи: широко улыбающаяся мама, папа, поймавший в свои медвежьи объятия Адель и Мартина, который не особо и упирался. Сердце Феликса согрелось при виде этой картины, запылало ярче, чем угольки в печи.

Ему хотелось поймать мгновение, навсегда сохранить это чувство.

– Феликс! Мой мальчик! – улыбнулся отец. Даже с двумя детьми в объятиях, ему хватило рук, чтобы потянуться за сыном. – Ты присматривал за ними? Оберегал от бед?

Феликс кивнул, тоже обнимая папу.

Отец рассказал, что вернулся домой насовсем. Война на Восточном фронте затухала, и его присутствие в армии теперь не требовалось. Больше им не придётся прощаться.

Больше никаких прощаний. Тепло в груди Феликса вспыхнуло с новой силой. После многих лет писем с фронта – и постоянного страха, что в следующем будет известие о смерти отца – семья Вольф наконец-то воссоединилась.

Отец Луки был дома уже много месяцев, всё стараниями артиллерийского снаряда, который оторвал ему левую руку. В Крадшутцен, элитных мотоциклетных войсках, сыгравших ключевую роль в атаке на российский фронт, безруким водителям места не было, так что Курт Лёве был сослан обратно в Германию с серебряной медалью «За ранение» и Железным крестом второй степени. Шрамы и медали – знаки героя войны. Лука был от них в восторге.

Встреча не принесла ни объятий, ни улыбок, лишь суровый кивок со стороны отца. Позже мама Луки пояснила, что отец просто устал. (В конце концов, он шесть лет провёл на фронте). Ему всего лишь нужен отдых.

И он отдыхал. Целыми часами и даже днями сидел на стуле, бессмысленно уставившись на портрет фюрера, висящий над камином. Когда отец говорил, он не спрашивал, как дела у Луки в школе, не хвалил стряпню жены, он только вспоминал о войне. Рассказывал о бесконечных заснеженных километрах, которые преодолел на мотоцикле. О перестрелках, через которые прошёл вместе с однополчанами. Сколько советских солдат он убил или ранил. Всё во благо «его фюрера».

Курт Лёве отдыхал долгими месяцами, но обещанных матерью объятий и улыбок так и не было. Даже в канун Рождества.

Члены семьи Лёве сидели вокруг маленького стола и молча ели жареного карпа. Повисшая тишина была не радостной или священной, как во время церковной службы, а напряжённой – полной скрежета челюстей и звона вилок. Она вынуждала Луку ёрзать на стуле.

– Хватит крутиться, – пророкотал отец с противоположного конца стола.

Мать кинула на Луку многозначительный взгляд. Мальчик замер. Ему казалось, будто он сидит на хрупкой яичной скорлупе. Словно что-то вот-вот должно сломаться...

Отец вилок разрывал тушку карпа на маленькие аккуратные кусочки.

– Когда на фронте мы ходили в ночные патрули, приходилось быть тихими, что призраки. Двигаться без единого звука. Нам приходилось, иначе бы подстрелили.

Мать прочистила горло.

– Курт, я не уверена, что о таком стоит говорить за столом...

– Стоит говорить? – отец Луки ударил кулаком по столу. В руке он всё ещё сжимал вилку, острые зубцы её смотрели в потолок, изодранный кусок рыбы свисал с металла. – Потерять чёртову руку во благо Отечества, вот что даёт мне право говорить за столом о чём угодно.

Жена ему не ответила. Вместо этого она отложила вилку и посмотрела на Луку: «Не хочешь открыть подарок?»

Лука кивнул, выпрямляясь на стуле. Он несколько недель ждал этого момента. Велосипед (блестящий и красный) был его самым заветным желанием. Франц Гросс иногда позволял Луке покататься на своём. Мальчики по очереди изображали из себя мотоциклистов Крадшутцен, воображаемые двигатели ревели, когда они штурмовали линию обороны невидимых коммунистов.

– Твой подарок за рождественским календарём, – сказала мама. – Сходи и принеси его!

В этом году у них не было ели, зато мать поставила на каминной полке рождественский календарь. Большая часть его двадцати четырёх бумажных дверок была открыта, являя взгляду нарисованную мамой сцену Рождества: Мария, Иосиф и малыш Иисус в хлеву, окружённые любопытными животными и охапками сена. Голубоглазые ангелы парят над Святым семейством. Над ними висит сияющая звезда. А над звездой...

С портрета смотрело увековеченное лицо фюрера, его нарисованные глаза следили за Лукой, когда тот бежал к камину за подарком. Коробка была слишком мала для велосипеда, завернута в старый газетный лист. Старые заголовки рассказывали о продвижении Вермахта по территории России, о предстоящей неоспоримой победе Рейха. Прямо поверх свёртка растянулась фотография фюрера, выступающего с речью о будущем Нового порядка. Лука

разорвал её и нашёл под газетой новую пару обуви и игрушечный пистолет. Он устремил взгляд на подарки, разочарование горечью стояло в горле.

– Что скажешь, Лука? – Отец проследовал за ним в гостиную, молча наблюдая за всем происходящим.

– Знаю, ты хотел велосипед... – донёсся от двери ласковый голос матери, – но тот, что продаётся в магазине господина Калера, слишком дорогой. Может, в следующем году, когда война закончится.

Никакого велосипеда. После недель, месяцев, лет ожидания по-прежнему никакого велосипеда. Горло Луки сдавили слёзы.

– Зачем тебе велосипед? – спросил отец. Его рука рассеянно потянулась к Железному кресту на петлице мундира. – В школу ты ходишь пешком.

– Я... я хочу играть в Крадшутцен с Францем. – Стоило словам сорваться с губ, как Луке захотелось забрать их обратно. Но они вырвались на волю вместе со слезами, окутав гостиную.

– Играть? – Лицо отца стало жёстким. Его глаза напомнили Луке о висящей над камином картине. Голубые и безжизненные. – Ты хочешь играть в Крадшутцен?

– Я хочу быть как ты.

Одним молниеносным движением отец отбросил Железный крест и схватил мальчишку за воротник. Нина прижалась к косяку, когда муж протащил сына мимо неё – в кухню и прочь из дома.

Вечер был снежный. Под кружащими хлопьями они вышли на улицу. Пальцы плотно сжимали воротник сына, когда отец остановился прямо посреди растущего сугроба.

– Хочешь быть как я? Ты даже посчитать не сможешь, сколько ночей я провёл, которые были куда холоднее сегодняшней. Сидел, свернувшись в грёбаном окопе, пока коммунисты пытались проделать дыру в моём черепе. Думаешь, я тогда распускал сопли?

Лука покачал головой. Слёз стало больше, капли растекались по ресницам.

– Не показывай эмоций. – Курт Лёве грубо потрянул сына. – Ни за что не показывай эмоций. Слёзы – слабость. Мой сын никогда не будет слабаком. Останешься стоять здесь, пока не перестанешь ныть.

Лука пытался, но рыдания только сильнее сдавливали горло. Оброненные слёзы начали колоть щёки: обжигающий холод.

Мать дрожала, стоя босиком на пороге, сама уже готовая расплакаться: «Курт! Он замёрзнет!»

– Ты позволила нашему сыну вырасти мягкотелым и неблагодарным, Нина. Забила ему голову искусством и волшебным... Дерьмо! Если я смог выдержать в снегах целую зиму, меньшее, что может сделать он, это десять минут простоять среди метели.

– На тебе была форма! А у Луки нет даже пальто.

Курт Лёве вновь посмотрел на сына: сжался в комок, стучит зубами, по голень провалился в сугроб. Мужчина шагнул в дом и спустя мгновение вернулся с коричневой кожаной мотоциклетной курткой, которую носил до войны, и своим солдатским жетоном. Обе вещи он впихнул в руки Луке: «Вот, надень».

Куртка была слишком большой для мальчика; рукава полностью закрывали пальцы Луки и опускались в снег. Цепочка жетона свисала до самого пупка.

– Юноши Германии должны быть сильными. Крепкими, как кожа, жёсткими, как сталь. – Отец по очереди указал на куртку и на жетон. – Держись. Не стучись в эту дверь, пока слёзы не сойдут с твоего лица.

Курт Лёве промаршировал обратно к дому, единственная его рука рассекала снегопад, подобно лезвию, петлёй обвила талию жены, поторапливая её зайти внутрь. Когда дверь захлопнулась, Лука попытался вытереть щёки огромным рукавом. Отец был прав. Кожа оказалась крепкой, слишком твёрдой, чтобы впитать слёзы.

Так что Лука стоял, смотря на свет в кухонном окне – на морозе, минуту за минутой, пока ноги не окоченели, а сердце не затвердело, – стоял и ждал, пока печаль не иссохнет сама по себе.

III

На подоконнике фермерской кухни стоял противень свежее испечённых имбирных пряников. По стеклу тянулась трещина всего в несколько сантиметров, но этого было достаточно, чтобы в помещение проникал прохладный воздух. Жар от выпечки тянулся наружу, разнося ароматы гвоздики, корицы и мелассы по заснеженному саду, прямо к амбару.

Яэль изо всех сил старалась не обращать внимания на запах. Она уже устроилась на ночь, укрывшись в колючих кипах сена. В амбаре было довольно тепло, а горстка овса, захваченная из лошадиных кормушек, помогла избавиться от терзающего голода.

Но имбирные пряники...

Яэль не могла припомнить, чтобы хоть раз за свои семь лет жизни ела что-нибудь вкуснее, чем обещал аромат этой сладости. Еда в гетто была скудной. В лагере – ещё и тухлой. (Кусочки кашеобразных гнилых овощей, заплесневелый хлеб). После того, как Яэль, изменив лицо и превратившись в дочку начальника лагеря, сбежала из-за заборов с колючей проволокой, питаться она стала значительно лучше. Всё лето леса были полны грибов и кустов ежевики. Осенью деревья в садах ломились от фруктов, фермерские жёны даже не замечали, что на границах их территорий пропадают яблоки. Сейчас, когда погода стала суровой, Яэль укрывалась на чердаках амбаров, подкрепляясь лошадиным кормом и надеясь, что хозяева не заметят, как их питомцы начали есть за двоих, ни капли не прибавляя в весе.

В этом амбаре она пряталась уже неделю. Это был невероятно долгий период, но живущая в доме семья была слишком занята праздниками и не обращала внимания на признаки её присутствия. Яэль наблюдала за праздничной суетой с безопасного чердака. Украшение рождественской ели, пение песен, выпечка...

Она видела, как мать семейства замешивала тёмно-коричневое тесто для имбирных пряников. Одна из её белокурых дочерей (та самая, которая каждое утро пробиралась через двор по белоснежному снегу; чьё дыхание капельками оседало в воздухе, когда она напевала «Ночь тиха», доила корову и даже не представляла, что на чердаке подслушивает Яэль) ставила противень в духовку. Другая чистила картошку. Два их брата играли на кухонном столе в «Штерн Халма», китайские шашки – игру, полную смеха и толкотни.

Сейчас семья была в столовой, ужинала и ждала, пока пряники остынут. Когда Яэль смотрела на них, ей не хватало всего лишь набившего желудок овса. Ей хотелось оказаться в доме. Смеющейся, наевшейся и не одинокой.

Что, конечно, было невозможно.

Яэль – не одна из них. И никогда не смогла бы ей стать.

Зато она может стянуть кусочек имбирного пряника.

Дойная корова лениво промычала в знак приветствия, когда Яэль слезла с чердака. Прежде чем выйти из амбара, она убедилась, что рукав свитера опущен и закрывает выбитый на руке номер. Её волосы, хоть и были спутаны, золотились, как солома. Глаза были наглыми и голубыми. Никто не поймёт, кто она на самом деле.

Снег падал достаточно густо, чтобы спрятать следы короткого пути Яэль до окошка кухни и обратно. Через пару минут не останется даже намёка на то, что она была здесь. Лишь трещина в окне и пустой противень.

Яэль скользнула через сад, не обращая внимания на снег, жалящий сквозь тонкие туфли. Запах пряников теперь стал насыщенней, а смех – громче. Она слышала, как мальчишка рассказывает шутку – что-то о разговаривающих коровах на велосипедах. Младшая из сестёр смеялась так громко, что начала похрюкивать.

Яэль съёжилась под окном, протянув голодные пальцы к противню.

– И тут первая корова поворачивается ко второй и говорит...

– АЙ!

Яэль, всегда такая тихая, такая осторожная, не подумала, что пышущий жаром противень означает, что металл ещё горячий. Она зажала рот ладонью, но было уже слишком поздно. Младшая сестра перестала смеяться. Пять стульев скрипнули по полу, когда вся семья поднялась из-за стола.

– Что это было?

– Эрик, – обратилась мать к одному из мальчишек, – неси ружьё.

Яэль сорвалась с места, ринувшись через поле, оставляя за собой вереницу следов. Дверь дома со скрипом распахнулась. Яэль не останавливалась. Не оглядывалась. И это к лучшему, потому что...

БА-БАХ.

Ночь тиха, ночь свята.

Дремлет всё, лишь не спит

В выстрелах ружей на ферме чета...

Она – не одна из них. И никогда бы не смогла ей стать.

Яэль нельзя было возвращаться в амбар (коровий шутник Эрик, всегда гордый схватиться за ружьё, пойдёт по следам и найдёт её там), так что она сделала то же, что и всегда.

Продолжила бежать.

Часть I

Исход

Глава 1

2 апреля 1956 года

Вечер Луки Лёве начался на многообещающей ноте. Самый могущественный человек в мире устраивал приём в его честь в Императорском дворце в Токио. Воздух пронзали тосты, поднимались бокалы с шампанским, имя Луки слетало с уст высшего руководства Третьего Рейха только вместе с похвалой. Сам фюрер предложил Луке должность и назвал его «прекрасным примером арийского идеала».

Комплимент был заслуженным. Он выиграл Гонку Оси, межконтинентальную мотогонку из Германии в Токио. Дважды. Приключение длиной в 20780 километров, полное песчаных бурь, диверсий и секретов. Два Железных креста первой степени висели на шее Луки, обозначая его двукратную победу. Дважды лучший из лучших.

Так почему же сейчас он стоит вдали от шума приёма, вглядывается в высокие окна и ощущает себя дерьмом под чужими ногами?

Должно быть, всё из-за острой боли в груди, рядом с постоянно сокращающейся мышцей, которую большинство людей называют сердцем. Из-за фройляйн в кимоно с алым узором ветвей, той самой, что пару мгновений назад танцевала в его объятиях. Той, которая прямо сказала ему: «Я не люблю тебя. И никогда не полюблю».

Адель Вольф. Фройляйн, не похожая на других. Не многие дамы решатся использовать личность собственного брата-близнеца, чтобы пробраться на гонку «только для мужчин». Ещё меньше девушек смогли украсть его сердце так эффектно. Не один, а целых два раза.

Каким же чёртовым дураком он был. Стоило усвоить урок уже после Осаки. После того, как Адель растоптала его сердце, разбила ему голову и выиграла гонку. К чести Луки (совсем маленькой), он не желал вновь влюбляться в Адель. Лука вступил в Гонку Оси 1956 года ради единственной цели – мести.

Его план был прост: наблюдать за Адель Вольф подобно ястребу. Притвориться, что до сих пор влюблён в неё. Завоевать доверие, сотрудничество, сердце – и закрепить поцелуем (который оказался бы пропитан снотворным, что вырубило бы её на несколько часов и подарило бы ему неоспоримое лидерство, очередную победу).

Поначалу всё шло по плану. Он следил за Адель сквозь пелену дождя на Олимпийском стадионе в Германии. Наблюдал, как она сидит у огня на контрольно-пропускном пункте в Праге. Смотрел, как ест спагетти в Риме. Он следил за каждым её действием и пришёл к единственному выводу.

Адель Вольф изменилась.

Внешне она осталась прежней: светлые, как снег, волосы, глаза цвета далёкого зимнего неба. Но казалось, в старой фройляйн появились новые глубины. Она беспокоилась о том, о чём даже не думала раньше. Спрашивала о том, что случилось с Хираку после аварии. Слишком близко к сердцу приняла случайную смерть Кацуо. Адель даже спасла его собственную проклятую жизнь.

Всё было очень, очень запутано.

Чем дольше Лука наблюдал за ней, тем лучше понимал, что в плане имеется один просчёт... Он не может притвориться, что всё ещё любит Адель Вольф, потому что он действительно её любил. (Из правды не получится хорошей лжи, не так ли?)

Лука даже не был уверен, когда это случилось. По пути из Германии, когда он играл со смертью и жёг резину, а Адель непоколебимо смотрела вперёд? Посреди пустыни, когда она назвала его сигареты дерьмом, но всё равно продолжила курить? В лагере партизан, когда не позволила ему стать мишенью для советских пуль? В поезде, где поцелуй, призванный лишь подразнить, стал слишком реальным?

Как бы слащаво это ни звучало, Лука решил, что виной всему именно поцелуй. Когда их губы встретились, он уже прекрасно знал, что снова запал на фройляйн. Влюбился. Чёрт, он любит её. Это было болезненное, бритвенно-острое чувство. Чувство, которое вспыхнуло в душе подобно фениксу – рождённое из пепла и пылающее, гораздо более сильное, чем было раньше.

Он даже задумался – всего на мгновение – завершить гонку честно: лишь он и Адель, и рёв двигателей их Цюндаппов. Но гордость Луки была слишком раздута, слишком уязвлена, чтобы на пути ко второй победе довериться случаю. Да, Адель украла его сердце, но также и победу. Только когда они будут квиты – сердце за сердце, победа за победу, – они смогут быть вместе. Поэтому Лука смазал губы наркотиком и поцеловал её во второй раз. И каждое мгновение их поцелуя было правдой. (Оказалось, из правды всё же выходит самая лучшая ложь).

Лука Лёве выиграл гонку, но Адель всё равно удалось его победить.

Адель Вольф. Девушка, которая не любила Луку. И никогда не полюбит.

И вот он здесь, сбежал с проклятого бала в свою честь. Кожа его старой куртки протёрлась. Стала мягкой. Сталь отцовского жетона казалась тонкой, как жестянка, и лёгкой, почти незаметной на фоне тяжести чувств в груди.

Лука мог видеть Адель в окне бального зала. Особый вид пытки – смотреть, как она танцует с фюрером. Станный голодный взгляд промелькнул в глазах Адель, когда в ритме вальса могущественнейший человек в мире подвёл её ближе к окну. Искреннее, концентрированное чувство. Подобное любви...

Или ненависти.

Лука не был уверен, что сможет теперь назвать хоть одно различие между ними.

Он оторвал взгляд от окна, роясь в карманах в поисках оставшихся сигарет и почти пустого спичечного коробка. Зажал сигарету в зубах, чиркнув последней спичкой. Первая попытка закончилась неудачей. Как и вторая. Третья попытка вырвала спичку из пальцев, отправив её в полёт на гравий садовой дорожки Императорского дворца.

Лука как раз наклонился за ней, когда сквозь стекло услышал обрывки слов Адель: «Я [слова]. Я [слова, слова, слова]. Я [слова] смерть».

Смерть? О чём это она? Наверное, рассказывает фюреру, что до смерти в него влюблена. Как и все робкие душонки в этом...

БУМ.

Лука вскинул голову и увидел, как падает фюрер. Грудную клетку мужчины словно вывернули наизнанку. А над телом – левая рука вытянута, всё ещё сжимая пистолет – стояла Адель.

Она подхватила подол кимоно и обернулась, нацелив «Вальтер П-38» на окно. Дуло пистолета полыхнуло; осколки стекла брызнули по сторонам. Лука упал, распластавшись на земле.

Адель пролетела мимо – вспышка бирюзовой и алой ткани, светлых волос и блеска пистолета, – оставляя позади грохот выстрелов, крики, осколки стекла и мёртвое, изломанное тело.

Адель Вольф застрелила фюрера.

Это снова происходит. Как во время митинга на Площади Величия, перед зданием старого Рейхстага. Крики и кровь, и тело Адольфа Гитлера на полу... Только на этот раз, вдруг понял Лука, виноват он. В конце концов, Адель Вольф оказалась на Балу Победителя лишь потому, что Луке хватило глупости её пригласить. Когда эсэсовцы начнут восстанавливать картину вечера, его имя окажется первым в списке подозреваемых. Его обвинят в предательстве, в сотрудничестве... обвинение, от которого не спасёт даже Двойной крест.

И хоть Лука не собирался ронять слёз по умершему фюреру, утонуть в собственной крови после долгих пыток тоже не входило в его планы. Единственному человеку было под силу вернуть ему доброе имя, и он сейчас убегал. Адель мчалась так быстро, словно по пятам за ней следовали все демоны Ада.

Но их не было. По крайней мере, пока. Взгляд в сторону бального зала доказал Луке: СС и Имперская гвардия до сих пор копошились в россыпи стеклянных осколков на окровавленных плитах пола. От окна их отделяло несколько долгих секунд.

Он был единственным охотником.

Лука вскочил на ноги. Кресты зазвенели, столкнувшись, когда он рванул по гравии, успев обогнуть заросли кипарисов как раз вовремя, чтобы увидеть, как фройляйн скидывает кимоно у фонарного столба и путает след. Молочная кожа, нижнее бельё, нервные движения. Она сделала четыре решительных шага по дорожке и перескочила через живую изгородь.

Кимоно мятой кучей валялось у фонаря. Его Лука оставил для эсэсовцев. Пусть они отвлекутся и идут по ложному следу. А ему нужно поймать Адель раньше.

Неосвещённая фонарями часть сада оказалась кладбищем теней: похожие на колокола громады валунов, дикая листва, нежная нимфа вместо знакомой девушки. Когда Лука заметил её, он замедлил шаг и крадучись подобрался к живой изгороди. По его подсчётам, в обойме пистолета Адель осталось ещё шесть патронов. Не стоит попадаться ей на глаза, чтобы словить пулю.

Фройляйн склонилась над кустами и достала из листвы рюкзак. Она тяжело дышала, вытягивая из его недр чёрные вещи и надевая их на себя. Лука задержал дыхание, подбираясь ближе. Когда глаза привыкли к темноте, он начал подмечать ранее упущенные детали.

На предплечье у неё была повязка. Должно быть, марля зацепилась за осколки стекла, так как ослабла у локтя, начиная всё быстрее и быстрее разматываться, пока Адель торопливо одевалась. Кожа под повязкой была покрыта чёрным. Сначала Лука решил, что это запёкшаяся кровь, но чем дольше он всматривался в черноту, тем яснее понимал: у неё есть форма. Линии перетекали и складывались в чёткие силуэты. Хвосты, лапы, клыки...

Волки. Вытатуированные на руке Адель. Чернильных фигур определённо не было на её коже в прошлом году. Они исчезли, когда Адель накинула куртку и наклонилась, чтобы зашнуровать ботинки.

Эсэсовцы, скорее всего, уже нашли кимоно и разослали вооружённых солдат по всему саду. Лука должен действовать быстрее. Он подобрался достаточно близко. Понадобится всего секунда, чтобы выскочить из укрытия и вырубить Адель.

Лука уже напряг все мышцы, готовясь к рывку, когда произошло невероятное.

Адель Вольф превратилась... в не-Адель.

Её светлые шелковистые волосы стали менять цвет, от корня и ниже, пока не стали полностью чёрными. Голубизна исчезла из глаз, радужка стала такой тёмной, что почти сливалась со зрачком. Даже форма лица изменилась – из вытянутой и овальной, как у Адель, став типично японской.

Если бы Лука собственными глазами не видел перевоплощение, то сказал бы, что такое невозможно. Даже сейчас, увидев, он всё равно не мог поверить. Может, он упал и ударился головой, когда искал потерянную спичку? И всё это – какая-то странная фантазия о мести, а сам Лука валяется без сознания на гравии садовой дорожки, пока Адель счастливо танцует в объятиях фюрера.

Такой вариант был бы гораздо логичней.

Но нет. Всё слишком реально. Всего в нескольких метрах прозвучали громкие приказы на немецком. Не-Адель закинула рюкзак за спину и двинулась в противоположную от Луки сторону.

Операция «Спасти шкуру и вернуть доброе имя» приняла неожиданный поворот.

Что ему теперь делать? Бежать за этой японкой и втолковывать членам СС, что она сменила тело? Остаться здесь и надеяться, что они поверят бредовой истории, не попытавшись под пытками вытянуть из него более приглядную правду? С тем же успехом Лука мог сам достать Люгер. Сэкономить солдатам пулю. Избавить себя от мира, полного боли.

Крики телохранителей фюрера резанули по ушам, когда они подошли ближе. Дважды Победоносный – мальчик с плакатов об истинных арийцах, герой Третьего рейха – поднялся, взгляд его заострился, провожая исчезающую

фигуру не-Адель. Он сосредоточился на скрывающей её темноте и побежал.

Глава 2

Второй раз за этот месяц Феликс Вольф очнулся с головной болью. Не с тяжестью, какая порой приходит после долгого сна, а с раскалывающей болью, которая мучает, когда сестра-близнец вырубает тебя ударом пистолета. Феликсу такие страдания становились слишком знакомы.

Перед его глазами маячил пружинный блок матраса – нижняя часть кровати. Перекатиться в сторону оказалось невыполнимой задачей – Адель связала ему руки за спиной скрученными полосами простыни. То же она сделала и с ногами, явно пытаясь не дать брату освободиться и разрушить планы на вечер.

Ноги Феликса ударили по спинке кровати, когда он переворачивался на бок. На пол упало что-то серебряное – карманные часы Мартина. Они лежали теперь, раскрывшись, треснутым циферблатом кверху. За ними виднелись гостевые пустые покои Императорского дворца, омытые мерцающим светом экрана телевизора. Сестра ушла. Отправилась на Бал Победителя завершать свою миссию во благо Соппротивления: убивать сильнейшего человека мира сего.

Адель всегда шла против правил: таскала сахар из семейных запасов, читала статьи из «Мотор Шау», часами сидя с фонариком после того, как все ложились спать, и под именем Феликса выступала на мотогонках, куда берут только парней. С возрастом у Феликса накопилось множество секретов сестры, от больших до самых маленьких. Они – в конце концов – были командой. Неважно, что во многом отличались: парень и девушка, домосед и искательница приключений. Они Вольфы. В их крови есть железо, и оно связывает их вместе.

Но на этот раз в своих приключениях сестра зашла слишком далеко. На этот раз секрет оказался слишком большим. Никто не сможет убить фюрера Третьего рейха и уйти безнаказанным. Если Адель исполнит свой план, вся семья Вольфов за это поплатится.

Было десять минут седьмого, если верить тонким стрелкам карманных часов Мартина. Бал Победителя только начался. У Феликса ещё есть время, чтобы остановить это безумие.

Приглушённая брань Феликса врезалась в кляп, когда он повернул тело ещё на девяносто градусов, ударившись связанными руками по пружинам матраса. Там почти дюжина острых металлических кончиков. Хотя один из них должен был...

Увы. Загнутые концы пружин были слишком малы, чтобы их поймать требовалась точность, которой Феликс – уткнувшийся носом в пол, с раскалывающейся от боли головой – сейчас не обладал. Он не оставлял попыток, вновь и вновь ударяя онемевшими руками по пружинному дну кровати.

Часы покойного брата продолжали тикать. Они показывали пять минут девятого, когда Феликсу всё же удалось зацепить хлопок за заострённый изгиб пружины матраса. В десять минут девятого первая полоса простыни начала рваться. В двенадцать минут с верёвками было покончено. Руки Феликса упали по бокам от тела, на запястьях темнели полосы насыщенного фиолетового оттенка.

Что теперь? Во-первых, нужно избавиться от этого дурацкого кляпа. Язык Феликса стал бескрайней потрескавшейся пустыней, казалось, слишком большой для его рта.

Феликс с трудом выполз из-под кровати. Всех оттенков чёрного, белого и серого, кадры Бала Победителя зачаровывали объятую сумерками комнату. Там, на экране, была его сестра, её зубы обнажились в улыбке, когда Адель приняла приглашение фюрера на танец.

Они принялись кружить, подчиняясь беззвучному мотиву (регулятор громкости на телевизоре был вывернут на минимум). Феликс не отрывал взгляда от экрана, пока сидел и развязывал три отдельных стяжки на ногах.

Когда-то Феликс считал, будто умеет читать мысли сестры – их эмоции гудели в унисон, и он часто знал заранее, что она собирается сказать. Но если их связь была так сильна, почему Феликс только неделю назад узнал, что Адель считает их мир несправедливым? И – рискуя всем, что им дорого – она присоединилась к Сопротивлению, собираясь это исправить?

Не делай этого, Ада. Не надо. Пожалуйста, нет. Феликс надеялся, что между ними осталась хоть какая-то видимость связи. Что его мольбы не просто бессмысленно разобьются об экран телевизора.

Адель застыла в объятиях Гитлера. Её губы двигались, лицо скривилось в выражении, которое Феликс никогда раньше не замечал у сестры: отвращение столь сильное, что поражало каждую чётточку.

Он множество раз оказывался свидетелем гнева Адель – чувствовал его пульсацию в собственных венах. В третьем классе начальной школы, когда одноклассник попытался её поцеловать, Адель так сильно ударила его в живот, что мальчишка украсил школьную лужайку недавно съеденным обедом. После аварии Мартина, когда родители запретили близнецам участвовать в гонках, лицо сестры вспыхнуло ярче флага Рейха.

Но эта... эмоция – нечто новое. Ярость, которую Феликс не мог понять, а тем более почувствовать. Она читалась не только в лице Адель. Она протекала во всём её естестве: в руке, которая нырнула в складки пояса-оби; в ладони, вытащившей пистолет и наставившей его на фюрера. В пальце, нажавшем на курок.

Карманные часы Мартина всё так же отсчитывали секунды, их шестерёнки скрежетали в тишине комнаты. Тик, так, тик, так – фюрер обрушивается на пол. Тик, так, тик – кровь расползается по груди Гитлера, просачивается сквозь ткань и преобразуется в точки на экране телевизора.

Репортаж прервался, сменившись помехами.

Феликс уронил руки, отпуская стянутый на коленях узел. Он подобрал часы Мартина и захлопнул крышку, даже не посмотрев на время. Неважно, который сейчас час. Уже слишком поздно.

Останавливать больше нечего.

Из комнаты Адель был виден бальный зал. Он был далёким зданием с медно-красной крышей, но, складывая часы в нагрудный карман формы Гитлерюгенд, Феликс по-прежнему слышал выстрелы. За ними последовали крики, вновь перемежающиеся стрельбой.

Феликс пытался не думать, что означает каждый выстрел. Пытался не представлять, как тело сестры падает рядом с трупом Гитлера, и кровь смешивается с алым узором её кимоно. Не видеть рядом с могилой Мартина её могилу.

О чём он только думает? У Адель вообще не будет могилы. Не после того, что она совершила. Ни у кого из Вольфов не будет. С этого самого мгновения судьба семьи Вольф предрешена: она будет стёрта с лица земли. Все упоминания о том, что они когда-либо существовали, будут сожжены членами СС. Забыты ныне и во веки веков. Аминь.

И Феликс ничего – ничего – не мог сделать, чтобы их спасти.

Он может остаться здесь. Эту комнату СС обыщут в первую очередь. Если они найдут его...

Феликс рванул связывающую ноги ткань, но чем быстрее он старался избавиться от узла, тем сильнее тот запутывался – двойной, тройной, десятерной. Он вновь подполз к пружинам, зацепил первый перекрученный кусок ткани за изогнутый конец металла и принялся пилить.

Одна полоса сдалась.

Выстрелы стихли. Экран телевизора всё так же гудел электрическим шумом.

С двумя полосами покончено.

Он слышит приближающиеся шаги или стук своего сердца?

Едва третья скрученная полоса простыни отпустила ноги Феликса, как дверь распахнулась.

Значит, всё же шаги. На пороге стояли трое мужчин. Все одеты в строгую чёрную форму СС. У всех стволы Люгеров направлены прямо ему в лицо.

Феликс поднял руки над головой. Он весьма хорошо ощутил собственные эмоции: страх, разнёсшийся теплом мочи на промежности; шок, дрожащий под ногтями на кончиках пальцев.

Лидер группы нахмурился. Взгляд его серых глаз прочёсывал комнату, пытаясь разобраться в значении истерзанных простыней, мерцающего телевизора и парня, сидящего посреди всего этого.

– Взять его! – рявкнул он солдату слева, потом повернулся к правому. – Обыскать комнату.

Первый мужчина вздёрнул Феликса на ноги, опять сковывая ему руки за спиной. Второй – упитанный солдат с соломенными волосами и носом картошкой – держал Люгер наготове, проверяя самые очевидные места укрытий: под кроватью, за шторами.

Они всё ещё ищут Адель. Облегчение... Феликс не должен был ощущать, как оно мчится вниз по горлу, прорубая новые дорожки в его сердце. Но это чувство было с ним, давало надежду, что каким-то образом – в мешанине выстрелов и криков – сестре удалось сбежать.

– Её здесь нет, штандартенфюрер Баш, – объявил второй солдат из уборной, завершив осмотр.

Баш, казалось, не был удивлён или раздосадован новостями. Он выудил из кармана девственно-белый платок и кашлянул в него. Одиночно, сухо.

– Нет, – сказал он, когда прочистил горло. – И не могло быть. Вы сами видели, как в зале она выскочила из окна. Девчонка подготовилась.

Нос Картошкой вернулся в комнату, составляя список увиденного.

– Одежда, телефон, кисти для макияжа... не похоже, чтобы она оставила что-нибудь полезное.

– Ах да, – Баш обернулся. В свете телевизора мелькнула эмблема Адамовой головы[1 - Totenkopf (Адамова голова) – эмблема танковой дивизии СС «Мёртвая

голова».] на фуражке военного: треснутый череп, перекрещенные кости, хитрая ухмылка. В глазах под козырьком была схожая смесь смерти и торжества, когда мужчина обратил их на Феликса. – Я бы не был так в этом уверен.

Глава 3

Если соблюдены все условия – в ясный прохладный день, на равнинной, не заросшей деревьями местности, – звук обычного пистолетного выстрела может разнестись на несколько километров. Звуковая волна от выпущенной Яэль пули разлетелась намного дальше. За долю секунды прорываясь сквозь кабели и радиоволны из Токио в Германию/Лондон/Рим/Каир/повсюду, где имелся включенный телевизор.

Мир услышал его. Люди всех национальностей, цветов и религий... арийские матери и отцы с выводками блондинистых детишек, лысеющий кальящик в Каире, прыщавый подросток в Риме. Многие смотрели на экран – распахнутые рты, ошеломлённые глаза – и пытались осознать, что произошло. Другие понимали. Это был сигнал, которого все ждали.

Одна из них, кудрявая полька по имени Хенрика, даже улыбнулась телевизору, прошептав: «Моя девочка», – а потом встала и приступила к работе.

Многие годы подвал пивной Хенрики был нервным центром Сопротивления: передача сообщений между ячейками, оценка готовности каждой территории, обеспечение приюта для агентов и безопасного места для генерала Эрвина Райнигера и других мятежных офицеров из национал-социалистов для обсуждения военных операций.

Между старыми энциклопедиями с потрескавшимися корешками стояла пара радиоприёмников, ожидающих сообщений со всех концов гибнущего Рейха. Каждый приёмник был оборудован «Энигмой», призванной защищать радиочастоту разговоров Сопротивления от посторонних ушей путем шифрования исходящих сообщений и расшифровки ответов. Годами эти аппараты стояли в безмолвии. Теперь с них смели пыль, подключили и настроили. Четыре агента Сопротивления сидели рядом с приёмниками, их напряжение было физически ощутимо. Бригитта, единственная женщина в

комнате, кроме Хенрики, выложила рядом с блокнотом не один, а целых два остро отточенных карандаша, приготовившись расшифровывать сообщения. Был и третий, воткнутый в пучок её медовых волос. Йохан уже успел надеть наушники. Райнхард и Каспер рассматривали карту подконтрольного Оси мира, делая ставки, какая территория освободится первой.

Выбор был огромным. Континенты были усеяны закодированными кнопками оперативников и полков Вермахта, границы власти Третьего рейха были отмечены ярко-красным. Цвет поглотил Европу, пробрался в Азию, запятнал пески Северной Африки.

У Сопротивления было двадцать четыре часа, чтобы это изменить.

Путч – полномасштабная военизированная оккупация Германии, включая аресты высших должностных лиц Рейха и установление нового руководства – должен был пройти быстро. Старое правительство национал-социалистов падёт, а его место займут люди Райнигера всего за одни сутки. В ином случае ведущие умы Национал-социалистической партии – Геринг, Гиммлер, Борман, Геббельс – оправятся от шока после убийства Гитлера, провозгласят нового фюрера и разрушат попытку Райнигера установить военное положение.

Путч не будет означать победу. Но он начнёт войну. Войну, какой мир не знал раньше, – сражения без границ, солдаты без униформ. Войну, которая разрушит кости Рейха изнутри подобно раковой опухоли.

Хенрика смотрела на красную область карты, охваченная водоворотом мыслей о том, что вероятно/возможно/определённо случится, когда...

– Что происходит? – девичий голос прозвучал бы повелительно, не будь он заглушён парой сантиметров крепкой стали. – Кто-то стрелял?

Хенрика посмотрела на дверь. Когда-то она вела в кладовку, где были составлены шкафы с картотекой, метла, лампа с цепочкой и жила пара-тройка пауков. Теперь – с помощью недавно установленной укреплённой двери – в ней ютилась настоящая Адель Вольф (и, возможно, всё та же пара-тройка пауков).

В первые дни заключения материнский инстинкт Хенрики боролся в ней с идеей держать девушку взаперти в комнате без окон. Сострадание исчезло после

первых трёх попыток побега. Первой «тюремной камерой» Адель стала старая комната Яэль, но дверь там была деревянной, потребовалось всего двадцать четыре часа, чтобы её выбить. Хенрика поймала девчонку у самого зала пивной и переселила в кладовку. Вторая попытка выбраться на свободу была предпринята, когда Хенрика пыталась протолкнуть ей на завтрак тарелку с хворостом, и Адель удалось вырваться за дверь из армированной стали. В третий раз были выкрученная лампочка, полетевшая прямо в лоб Хенрике, и перевёрнутая тарелка шницелей. Оба нападения ничем не помогли. На щеках польки до сих пор красовались порезы. Адель Вольф с тех пор сидела в темноте. Еду ей стали носить реже.

– Я требую, чтобы мне сказали, что случилось! – Следом за очередным криком слышалось приглушённое БУМ. И ещё одно. И снова.

Каспер, который участвовал в операции по похищению Адель Вольф, посмотрел на сотрясавшуюся дверь: «Хочешь, вколю ей успокоительное?»

Хенрика покачала головой.

– Пусть пинает. Она быстрее сломает пальцы, чем выберется из-за двери.

Судя по звукам, возможность перелома имелась. За первым ударом шли новые, Адель давала двери доблестный отпор.

– Что там происходит?

Взгляд Хенрики переместился к пестрящему помехами экрану, а потом вновь к карте. Хотела бы она знать ответ на этот вопрос, но должно пройти какое-то время, прежде чем первые полноценные новости польются сквозь наушники Йохана и карандаши Бригитты. Прямо сейчас, единственное, что могла сделать Хенрика, – собрать уже известные факты. (Однажды всё это станет историей. Кто-то должен вести записи для книг).

Так что она села за свою «Олимпию»[2 - Olimpia Robust – печатная машинка из серии «Олимпия», производившаяся для СС.], опустила пальцы на протёртые клавиши и принялась печатать.

Операция «Вторая Валькирия»

2 апреля 1956 года

13:15 – Фюрер Адольф Гитлер мёртв.

Глава 4

Фюрер Адольф Гитлер не умер. Яэль уже не убегала, но эта единственная, оглушающая мысль продолжала её преследовать. Не умер. Не умер.

Побег из Императорского дворца прошёл чисто, хотя, когда Яэль шла по улицам Токио, с неё ещё текла вода из рва. Несмотря на влажные волосы, люди проходили мимо, едва достаивая Яэль взглядом. А зачем? У неё было такое же лицо, та же бледная кожа и тёмные глаза, что и у них. Она ничем не была похожа на девушку, застрелившую Адольфа Гитлера во время прямой трансляции.

Оба танцора в той сцене были не теми, кем казались. Победоносная Адель Вольф, светловолосая любимица национал-социалистов, была на самом деле Яэль. Потомком евреев. Меняющей кожу. Адольф Гитлер, правитель Третьего рейха – не тот человек, с которым она танцевала, которому выстрелила в грудь. Его маскировка была столь же убедительна, сколь и её собственная. Он был облачён в одежды фюрера, говорил словами фюрера, идеально скопировал каждую морщинку на его лице, каждую серебристую волосинку в кисточке усов.

Яэль не знала, кем он был. До того, как сбежать, она успела лишь увидеть правду – серебро, исчезающее с его волос, вспышки золотого, зелёного, голубого и серого в глазах. Она убила меняющего кожу. Кого-то вроде неё самой.

Яэль долго (слишком, слишком долго) думала, что она такая одна – способная меняться, не имеющая собственной кожи. Теперь она поняла, что этого просто не могли допустить. «Эксперимент 85» был триумфом доктора Гайера. Разве она сама не слышала, как рейхсфюрер Генрих Гиммлер назвал эксперимент многообещающим? Доктор не прекратил бы делать инъекции только потому, что

Яэль сбежала. Её преображение в Бернис Фогт лишь показало Ангелу Смерти открывшиеся перед ним возможности. Должно быть, он набрал новых подопытных, влил в их тело смертельный жар и отнял кожу, стирая старую личность укол за уколом.

Всю свою жизнь Яэль изо всех сил пыталась вернуть потерянное – ту себя, что была до игл доктора Гайера. На мгновение, между криком и выстрелом, она получила это. Была самой собой: Яэль. Заключённой 121358.X. Смертью фюрера.

Это я. Я. Я.

А что теперь?

Теперь она убийца, руки её запятнаны кровью не того мужчины. Теперь настоящий фюрер – тот, кто погубил целые континенты войной и лагерями смерти, кто уничтожил миллионы, миллионы (среди них вся семья и близкие Яэль) – остался жив. Яэль не сомневалась, что скоро мир об этом узнает.

Она пересекла улицу, перейдя на противоположный угол перекрёстка. Что-то привлекло её внимание. Движение – резкое и быстрое, – в паре домов позади: скрючившийся силуэт, мелькнувший в тени магазинов.

Все инстинкты Яэль кричали:

«ЗА ТОБОЙ СЛЕДЯТ»

Оказалось, побег прошёл не так уж и чисто.

Кто мог раскрыть её маскировку, проследить весь путь от Императорского дворца? И почему этот человек не позвал солдат?

Яэль просканировала взглядом мёртвые неоновые вывески магазинов и запертые двери. Нужно найти укромный уголок, своеобразное укрытие...

Вот оно! Между закрытым чайным магазином и современным универмагом со стеклянными витринами, в переулке, усеянном мусорными мешками, которые ждут лилового рассвета, чтобы уехать отсюда подальше. Несколько кошек с

горящими прожекторами глаз кинули на Яэль презрительный взгляд, когда она нырнула в переулок и затаилась.

Одно долгое мгновение всё было тихо: лишь царапанье кошек, лазающих по мешкам, и далёкий лязг трамвая. Яэль уже начала подозревать, что ошиблась, когда услышала быстро приближающийся топот ботинок по мостовой, слишком тяжёлый для женщины. Кто бы это ни был, он определённо видел изменение Яэль, а значит, её одежду и, возможно, волков. Если позволить преследователю уйти, он может вернуться к СС, рассказать им, где её искать.

Она сегодня и так сильно наследила.

Стоило руке преследователя показаться в поле зрения, Яэль вскочила. Адреналин зашкаливал, когда она рванула мужчину в переулок, впечатав его лицом в гору мусорных мешков и прижав коленом.

Мусор разлетелся по сторонам: клейкий рис, склизкие водоросли, гниющая рыба, комки газет на кандзи. Кошки заорали и кинулись врассыпную. Другой крик (более приглушённый) раздался из-под куртки преследователя, закрывавшей его с головой, словно мужчина сам решил спрятаться.

– Проклятье! Ладно, ладно! Я сдаюсь! Не надо ломать мне руку.

Что-то в звучании его голоса было знакомым. Яэль внимательней присмотрелась к куртке. Старая коричневая кожа, мягкая как масло. В Токио был только один ариец в такой одежде...

О, нет.

Яэль отпустила его руку и поднялась. Куртка спала с головы.

В последний раз, когда она видела Луку Лёве, он выглядел почти как джентльмен: лохматые золотистые волосы зачёсаны назад, кожа куртки натёрта маслом, форма выглажена и накрахмалена. Теперь волосы Луки торчали во все стороны. Кусочки водорослей и риса прилипли к лицу. И он весь промок.

Любой другой на его месте смутился бы подобного вида. Но Лука Лёве лишь улыбнулся в своей собственной нахальной манере, садясь и одаривая её оценивающим взглядом.

– Забавно встретиться с тобой здесь, фройляйн. Хорошо выглядишь. Но что-то изменилось... Стой! Не говори. – Он осмотрел её с ног до головы. – Ты сменила причёску?

Невероятно. Этот парень был определением данного слова. Сидя с кусками водорослей в волосах, разбрасывается шутками и ухмыляется (ухмыляется!) перед лицом убийцы, умеющей менять кожу. Если он таким образом собирался обезоружить Яэль, у него это прекрасно получилось. Она потеряла дар речи...

– Не пойми неправильно. Причёска мне нравится. Это чертовски хороший трюк. Но мы оба прекрасно понимаем, я не стал бы тащиться пешком через половину Токио, чтобы сделать комплимент твоему новому стилю, – парень выбрался из мусора и отряхнул куртку. Пара капель попала Яэль в лицо. Она быстро их смахнула.

– Как ты...

– Узнал? – Тёмные брови Луки изогнулись, как всегда в преддверии саркастического монолога. – У меня было место в первом ряду на этот спектакль. Фройляйн стреляет в фюрера. Фройляйн мчится как ветер, оставив допросы и вину на мне. Я не мог позволить этому случиться.

– И поэтому пошёл за мной.

– Ага. – Лука вновь набросил куртку на плечи. Яэль вдруг сообразила, что повязка со свастикой, которую он носил на рукаве всю Гонку Оси, пропала, её оторвали. – Кстати, замечательно сработано. Гарантирую, никто из Третьего рейха такого не ожидал. Первокласное представление.

Замечательно? Ни один сочувствующий национал-социалист не стал бы использовать это слово, чтобы описать случившееся на балу... Луку всегда сложно было прочесть, но было что-то в его позе, в том, как он стоял сейчас перед Яэль – промокший до нитки, определённо не собирающийся звать на помощь эсэсовцев, – что заставило её засомневаться в преданности парня

Третьему рейху.

– Это было не представление, – поправила она.

– Это прямая трансляция, – заметил Лука, но смягчился: – Хорошо. Первокласное убийство, если тебе так больше нравится. Гитлер годами избегал жестокой расправы...

Слух Яэль – острый от всё ещё кипящего адреналина – уловил новый звук. Снова шаги. Она подняла ладонь перед лицом Луки. Это был условный сигнал её учителя, Влада, но Победоносный всё понял.

«ТИХО КТО-ТО ИДЁТ НЕ ДАЙ ИМ УВИДЕТЬ»

Яэль толкнула Луку спиной к стене, закрывая его собой. Кто бы ни проходил мимо, он увидит только её тёмные волосы. Ничего больше.

Они стояли рядом, лицом к лицу, грудью к груди, а шаги всё приближались. Яэль заметила, как сжались челюсти Луки, как побледнела его кожа. Это напомнило, что его самоуверенность – всего лишь маска. Защитный механизм в высочайшем его проявлении.

Неужели ещё сегодня вечером она видела, как этот механизм дал сбой? Когда они танцевали в бальном зале Императорского дворца, и Лука практически сделал ей предложение. Когда в сердце Яэль проснулось чувство, отличное от ярости и боли. Когда она уже знала, что у них ничего не получится (потому что он тот, кто он есть; потому что она не та, за кого себя выдаёт). Когда ей пришлось оборвать его, положив всему конец словами: Я не люблю тебя. И никогда не люблю... Прощай.

Но вот они – стоят промокшие, испачканные мусором, прячутся, спасая свои шкуры, – и на что же Яэль смотрит?

Губы Луки.

Они не были обветренными и потрескавшимися, как в поезде до Нью-Дели, когда он наклонился и поцеловал Яэль, словно в тот момент рушился весь мир. Они не

были смазаны наркотиком, как на борту «Кайтена», когда на горизонте выросли гористые берега Японии, и Лука подарил ей поцелуй во второй раз, выбив из гонки и заняв первое место.

На этот раз губы его были плотно сжаты, стянуты страхом.

Шаги приблизились – по звуку поступи и тихому разговору, щекочущему слух, Яэль решила, что это пара средних лет, совершенно безвредная – и удалились. Но Яэль продолжала рассматривать Луку.

Он уставился в ответ.

– Что теперь? – прошептал он.

Простой вопрос. Два коротких слова, которые превратились в огромную, безответную пропасть. Вся жизнь Яэль сводилась к этой миссии. Она вложила в неё всё: годы своей жизни, скорбь, саму душу.

Что теперь?

Теперь по её воле умер не тот человек. Теперь она стояла в переулке с парнем, которого неистово желала ненавидеть, но не могла. Теперь у Яэль не было больше миссий и приказов. Она должна была стать свободной, но вместо этого ощущала себя такой... потерянной.

– Я... мне нужно идти. – Яэль попятилась к выходу из переулка.

Лука сделал шаг вперёд. Расстояние между ними вновь сократилось.

– Не так быстро. – Он перескочил в сторону и преградил ей дорогу. – Разве ты не знаешь, что сбегать со свидания невежливо? Это уже второй раз за вечер.

– Ты встречался с Адель. Не со мной, – сказала ему Яэль. – Если не уберёшься с дороги, я сломаю тебе руку.

Лука плотнее сжал губы (страх сменился ужасом), но с места не сдвинулся.

– Ты не можешь просто взять и бросить меня, фройляйн. Мои знания японского начинаются с konnichiwa[З - Здравствуйте (яп.)] и им же заканчиваются. Волосы светятся, словно лампочка в тысячу ватт. А моё лицо... ну... это моё лицо!

«УБИРАЙСЯ БРОСЬ ЕГО»

Яэль ничем не была обязана этому парню. Ей ничего не стоит сломать Луке лучевую кость и скрыться в темноте японской ночи.

– Бросишь, и только вопрос времени, когда СС утащат меня на допрос. Мы оба знаем: стоит этому случиться, и я не жилец. Если ты такая, как я думаю, тебя это не порадует.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – прорычала Яэль.

– Неужели? – Победоносный поднял руки вверх, словно сдаваясь. – Не пойми неправильно. Из тебя вышла чертовски хорошая Адель, фройляйн, но ты живешь по законам, которые ей известны не были. Ты вернулась за мной с Ямато, когда коммунисты нас поймали. А что уж говорить о Кацуо...

Кацуо. Японский гонщик, который погиб в аварии из-за Яэль, пытавшейся вырваться вперёд. Технически, его смерть была несчастным случаем, но это не снимало вину с Яэль. Цуда Кацуо умер из-за неё. Первое имя в растущем списке: Цуда Кацуо, неизвестный, меняющий кожу...

Свою миссию Яэль начинала с пустым списком и руками, не запятнанными в крови. Она выросла в тени смертей – смерть, столько смерти, а всё ради чего? Так много человек попало в её когти – бабушка, мама, Аарон-Клаус, – и Яэль жаждала, отчаянно, безнадежно желала это прекратить.

Какое-то время она думала, что сможет.

Яэль хотела быть подобной Валькириям из старых скандинавских легенд. Крылатым девам, которые прибывали на войну на спинах волков и выбирали, кому из воинов жить, а кому умереть. Она думала, что смерть будет иметь смысл, если направить её в правильное русло. (Одна смерть ради того, чтобы избежать многих других). Поэтому Яэль направила пистолет на того мужчину в

бальном зале и сделала свой выбор.

– Дело в том, – продолжал Лука, – что у тебя есть сердце. И сейчас я ставлю на кон свою жизнь.

Жизнь или смерть?

Яэль уже начинала уставать от принятия решений.

– Как быть уверенной, что ты не доложишь обо всём властям, стоит мне повернуться спиной? – спросила она.

– Я рассматривал такой вариант, – сказал Лука с бесстыдством, как мог только он. – Но твоё лицо... оно... не твоё. Если я притащу тебя обратно в таком виде, кто мне поверит?

Жизнь? Или смерть?

Смерть? Или жизнь?

В списке смертей Яэль и так уже немало имён, незачем вписывать ещё и имя Луки Лёве.

– Снимай одежду, – приказала она.

Лука ухмыльнулся, стягивая куртку и принимаясь расстёгивать форму, под которой была мокрая белая майка.

– Не всю, – возмутилась Яэль, прежде чем он успел стянуть и её. – Только самое заметное. Свастики, Железные кресты, всё, что может тебя выдать.

Лука скомкал снятую форму (коричневую рубашку, нашивки, чёрный галстук и остальное) и швырнул её в гору мусорных пакетов. Два Железных креста – кульминация почти сорока тысяч километров, пяти лет жизни Луки – последовали за ней, приземляясь между объедками и рваной бумагой. Победоносный оставил только куртку, перекинув её через плечо.

– Так сойдёт? – поинтересовался он.

Яэль бегло его осмотрела. Ни партийных орлов, ни свастик... На Бал Победителя он надел свои мотоциклетные ботинки вместо стандартных сапог Гитлерюгенда. Яэль сделала заметку на память: кажется, Лука Лёве никогда не был хорошим мальчиком, подчиняющимся правилам. Его выделяющаяся куртка (сшитая из старой коричневой кожи, в то время как у всех остальных участников Гонки Оси они были одинаково чёрные) была тому доказательством. Лука не снимал её последние три гонки. Наверное, у «Рейхссендера» на несколько лет вперёд накопилось кадров, где Лука Лёве щеголяет в этом самом наряде.

– Куртка? – Яэль указала на неё кивком головы.

– Остаётся.

Забавно. Она скорее ожидала, что он станет бороться за Железные кресты, а не за этот поношенный кусок старой кожи. Но пальцы Луки сильнее сжались на куртке, словно предлагая Яэль рискнуть отобрать её. Она могла. И сделала бы это, если бы лицо Победоносного не было столь нордическим, а волосы столь светлыми, что сияли, как полуденное солнце.

– Ладно. Прикрой ей волосы, как раньше.

Лука подчинился, накидывая кожу так, чтобы она прятала волосы и отбрасывала тень на лицо. Не самое изящное прикрытие, но (попыталась успокоить себя Яэль) пока оно срабатывало.

«БРОСЬ ЕГО»

Она должна была это сделать.

Но не могла.

– Если попадёшься, – бросила Яэль, – или если я решу, что ты собираешься меня предать, я тебя брошу одного. Всё понятно?

– Да-да, фройляйн. – Лука кивнул из-под куртки. – Веди.

«БРОСЬ ЕГО БРОСЬ ЕГО НЕ СПАСАЙ»

Инстинкты Яэль не переставали вопить, но она сделала вид, что их не слышит. Сделала вид, будто не помнит, что они обычно – почти всегда – оказывались правы.

Глава 5

Когда Феликс был младше, его самым любимым в мире местом была папина автомастерская. Каждый день, когда Мартин уходил на собрания Гитлерюгенд, а Адель играла в футбол с мальчиками Шулеров, младший Вольф сидел, скрестив ноги, на полу мастерской и слушал, как отец рассказывает о поломках двигателей Фольксвагенов, копаясь в их заляпанных маслом внутренностях.

– Свеча зажигания загорзилась. Видишь, масло разъедает контакт? – продолжал отец, вытирая свободную руку о военный комбинезон. – Поэтому двигатель не мог нормально завестись. Нужно всего лишь её заменить, и машина будет бегать, как новенькая.

Всё в мастерской становилось понятным после пояснений отца. Решение было всегда. Девятилетнему мальчику казалось, не было ничего, что папа не смог бы починить. Всего через три года, стоя на краю трассы Нюрбургринг, Феликс узнал ужаснейшую правду: это не так. Некоторые вещи слишком поломаны, чтобы можно было их починить. Сломанный шейный позвонок Мартина невозможно было просто заменить запасной деталью.

Автомастерской тоже больше не было. Башни из колёс, стены из шлакоблока, оклеенные схемами двигателей, ряды гаечных ключей, разложенных по типу и размеру... Всё это Феликс продал господину Блайеру, выручив достаточно рейхсмарок, чтобы выкупить пропуск на Гонку Оси, чтобы не позволить сестре погрязнуть в планах Сопротивления, о которых предупреждал Ганс Шулер.

Но Адель не просто рисковала «погрязнуть в планах». Она была этими планами. Феликс изо всех сил старался её остановить, починить очередную изломанную вещь. Он старался изо всех сил... и потерял автомастерскую, а следом за ней

сестру, оставившую его разбираться с последствиями устроенного беспорядка.

Очень, очень болезненными последствиями.

Сапоги членов СС – с подбитой гвоздями подошвой и металлической пяткой – были идеальным пыточным инструментом. Носу Картошкой потребовалось всего три раза пнуть Феликса по рёбрам, чтобы они хрустнули.

Ничего уже не починить.

Феликс знал, что он – покойник. Понял в тот момент, когда заглянул Башу в глаза, увидел в них, что будущего у него нет. Единственное, что он мог сейчас сделать: вытерпеть эту агонию, заработать для сестры время на побег.

Новый пинок. Новый хруст. Огонь у него в боку распространялся дальше, пламенно горячий и тлеющий в самой глубине. Дышать стало тяжело, и Феликс закашлялся. На его губах было что-то липкое...

– Господин Вольф. – Сапоги штандартенфюрера Баша стучали по полу. – Время – роскошь, которую мы не можем позволить себе этим вечером. Куда направилась девчонка?

– Я н-не знаю.

Баш склонился и прошептал что-то Носу Картошкой. Тот сразу же снял наручники с Феликса и положил его правую руку на пол.

– Вы механик, не так ли? Двигатели состоят из множества крошечных деталей. Чтобы с ними умело обращаться, нужна хорошая координация пальцев... – Пауза штандартенфюрера заполнила всю комнату. – Скажите, с кем работает девчонка.

«С Сопротивлением. Спросите у младшего Шулера с улицы Вольфсганг. Он знает... Нет! – одёрнул себя Феликс. – Ничего не говори. Даже не думай об этом».

Хоть один из Вольфов должен выжить. Жизнь Адель зависит от его молчания.

Сапог Баша завис над безымянным пальцем и мизинцем Феликса. Каблук опустился с тошнотворным хрустом. Боль внутри Феликса стала живой – восстала, взревела. Жар в боку встретился с болью в раздробленных пальцах и принял звериную форму, криком вырываясь изо рта.

Баш не стал поднимать ногу. В его голосе была почти слышна скука, когда он продолжил: «Рассказывайте. Почему вы ощущаете необходимость защищать эту девушку? И это после того как она вас связала и оставила нам?»

– Я не... – казалось, даже зубы Феликса сломаны, когда он по кусочкам собирал эти слова, ржавый вкус крови осел во рту, – ...предам сестру.

– Сестру? – Смех Баша отразился от голого дерева пола. Каблук его поднялся. – Вы смотрели телевизор. Разве не слышали, что девчонка прокричала, прежде чем спустить курок?

– Переключатель на нуле, штандартенфюрер. – Нос Картошкой вскинул голову к экрану. – Звука не было.

– Ааа. – Командир подошёл к переключателю и принялся поворачивать его, пока в динамиках не раздалось низкое монотонное шипение. – Благородно с вашей стороны, господин Вольф, вытерпеть столько боли ради семьи. Вы замечательный пример девиза «крови и чести». Но боюсь, ваши страдания были зря. Девушка, которая стреляла в том зале, не ваша сестра.

Боль в пальцах Феликса плохо сочеталась со словами командира. Не (искорёженные ногти) ваша (липкая кровь на полу) сестра. (Это что, откололся кусочек кости?)

Он не мог поверить во всё это.

– Не переживайте так, – продолжал штандартенфюрер СС. – Заключённая 121358.X обманула много людей. Руководителей гонки, операторов «Рейхссендера», даже самого фюрера. Должно быть, она долгое время изучала жизнь фройляйн Вольф, чтобы так прекрасно выдавать себя за неё. Эта девушка была одной из первых субъектов проекта «Доппельгангер». Она может по желанию изменять собственную внешность. В одно мгновение она ваша сестра,

а в другое – совершенно незнакомый человек.

В этих словах не было никакого смысла.

Но... он был.

Он точно был, осознал вдруг Феликс, потому что он сам видел это изменение. Там, в Каире, когда он следовал за девушкой, которую посчитал своей сестрой, через ночной рынок, по тёмным извилистым улочкам города вплоть до кальянной. Когда Феликс зашёл внутрь, собираясь поймать её, он нашёл лишь египтянку – одетую в ту же одежду. Позже Адель объяснила ему, что заметила преследование и обменялась одеждой с девушкой в кафе.

Ложь. Она сменила не одежду, а лицо.

Девушка, рядом с которой Феликс проехал двадцать тысяч километров; девушка, дважды ударившая его по голове пистолетом; та, которую он вновь и вновь пытался нагнать, ради спасения которой отдал всё... не была его сестрой.

– Кто-то должен заплатить кровью за случившееся на балу, господин Вольф. Уверен, вы понимаете, в какое деликатное положение это нас ставит. Весь мир видел, как ваша сестра застрелила фюрера. Если мы не сумеем отплатить тем же, люди начнут сомневаться в нашей решительности... – Баш разразился кашлем. Он поднёс платок – всё такой же чистый, девственно-белый – к губам.

Отплатить тем же. Слова в тон платку штандартенфюрера СС. Великолепное решение проблемы, таящее в себе гораздо более зловещий смысл: застрелить Адель. Нет, если они решат публично казнить сестру, всё пройдёт в традиционной манере: гильотина. Катящиеся головы лучшее доказательство, чем дыры от пуль в груди.

– Вы не можете! – проскрежетал Феликс. – Что насчёт той девушки?

– А что насчёт неё?

Феликс так многое хотел спросить. Он находил восхитительной саму идею того, что эта девушка могла превращаться из одного человека в другого. Как ей

удалось придать глазам тот же цвет, что у Адель? Как её кожа повторила саму структуру кожи сестры, все веснушки и шрамы? Как вообще возможно, чтобы человеческое тело могло вот так собирать себя по кусочкам?

Но боль прорвалась сквозь любопытство, пузырясь кровью на губах, просачиваясь в корни зубов, хороня всё, кроме самой низшей эмоции: гнева. Забавно, что всего несколько минут назад Феликс боролся с собой, стараясь обуздать эту ярость. Ту, что поглощала каждую клеточку человеческого естества.

Сейчас ярость была Феликсом, а Феликс – ей.

– Это она с-делала. Она и д-должна... – он захлёбывался кровью. Её было слишком много, чтобы проглотить, потому пришлось выплюнуть. Пара капель приземлилась на сапоги капитана. – З-заплатить.

– Согласен. – Даже если Баша волновали капли на сапоге, он этого не показал. Он кивнул, указывая на разбитую руку Феликса. – Что возвращает нас к моему первому вопросу. Куда направилась девчонка?

Мысли его кружились – в огне, в агонии. Голова Адель катилась, катилась, светлые волосы пропитались кровью. Ещё больше крови – его собственной – вытекало из ран, придавливая пальцы к полу. Куда направилась девчонка? Как Феликсу об этом знать? Она не рассказывала ему о своих планах. Она лишь приземлила рукоять пистолета ему на голову и...

Стоп. Думай. Вспоминай.

Было кое-что.

Последний раз, когда Феликс видел сестру. (Нет! Не сестру... её копию), она придавила его к полу шторами и потянулась за пистолетом. От движения рукав кимоно задрался, открывая ряд бегущих собак.

Не одну, целых пять. Она не сказала – показала.

– Я расскажу, что знаю. – Феликсу пришлось сдерживаться, чтобы не выпалить всё сразу – ярость развязывала язык. Он должен защищать сестру – настоящую сестру – до самого конца. – Но я требую помиловать Адель.

– Помиловать? – Бесстрастная улыбка (искривившиеся губы, но мёртвые глаза) рассекла лицо штандартенфюрера. – А вы любите торговаться, да, господин Вольф? К сожалению, решение о помиловании вашей сестры не в моей власти. Поэтому начнём с другого, – Баш вновь занёс сапог для удара. Его обитая металлом пятка теперь нависла над средним и указательными пальцами. – Расскажите всё, что знаете, и возможно, я соглашусь не трогать то, что осталось от вашей руки.

Феликс опустил взгляд на свои пальцы (восемь целых, два раздробленных, скорее уже тёмно-коричневых, чем красных). Он может продолжать молчать и смотреть, как остальные пальцы ломаются под металлическим каблуком штандартенфюрера СС. Или выложить всю известную информацию в надежде на милость.

Феликс не собирался строить из себя великомученика. Не ради... этой... девки. Не ради крови чужой семьи.

– Собаки, – сказал он.

Улыбка слетела с лица командира. Каблук качнулся.

– Что?

– У неё на руке были собаки. Т-татуировка. Пять штук.

– На какой руке?

– На л-левой. Чернила покрывали руку до локтя. Как рукав.

Сапог штандартенфюрера всё так же нависал над пальцами. Капли кровавой слюны Феликса окропляли подошву, так близко, что можно пересчитать. Одна, две, три... удара всё нет... четыре, пять, шесть... Баш опустил каблук. Он ударил по полу в миллиметре от кончиков пальцев Феликса.

– Спасибо, господин Вольф. Эта информация очень ценна.

Дверь комнаты приоткрылась. Новоприбывший солдат просунул голову в проём, на лице его застыло мрачное выражение: «Штандартенфюрер?»

– Что? – выплюнул Баш.

– Мы наконец-то связались с Германией, штандартенфюрер. Но есть одна проблема – рейхсфюрер Гиммлер желает говорить с вами.

– Рейхсфюрер? Очень хорошо. – Баш повернулся к Носу Картошкой. – Пусть оберштурмфюрер Тиссен отправит заметки об отличительных чертах двойника. Татуировки у них неизменны. Собаки останутся, какую бы форму девушка ни приняла. Если повезёт, мы сможем использовать их, чтобы установить личность.

Баш направился к двери. Каблук его правого сапога отмечал путь владельца кровью Феликса: С С С отпечатывалось на полу алыми промежутками.

– О, и дайте господину Вольфу воды. У меня к нему осталось ещё несколько вопросов.

Глава 6

Влажная кожа пахла дерьмом.

Вонь царапала ноздри Луки, пока он наблюдал, как девушка переходит улицу. Не-Адель в темноте была как дома, в постоянном движении. Бархатистые волосы раскачивались при ходьбе, так прекрасно сливаясь с тенями, что на долю секунды Лука задохнулся от страха: вдруг и сама девушка сейчас просто растворится. Но её очертания никуда не делись, когда она оказалась на другой стороне и осмотрела окрестности, прежде чем поманить Луку старым сигналом Вермахта.

Где не-Адель выучила ручные сигналы Вермахта? Если на то пошло, где она вообще выучила всё, что знает? Как устраивать диверсии, перепрыгивать стены,

переплывать рвы, скручивать противника с заметно большей мышечной массой... Насколько Луке было известно, Союз немецких девушек ничему подобному не учит юных фройляйн.

Кто, черт побери, эта девчонка на самом деле?

– У тебя есть имя? – спросил Лука, догоняя не-Адель.

– Зачем мне его называть? Ты не утруждаешь себя именами.

В чём-то она была права.

– Пожалуй, «не-Адель» звучит не так уж плохо. – Лука пожал плечами.

– Если не перестанешь говорить по-немецки, я сброшу тебя в канаву, – прошипела она, продолжая бежать вперёд.

Лука – наполовину ослеплённый рукавами куртки, задыхающийся от запаха мокрой кожи дохлого животного – шёл за безымянной девушкой и раздумывал над возможными действиями:

Вариант 1: Взять верх над фройляйн. (Поправка: попытаться взять верх над фройляйн. В переулке она уже смогла надрать ему задницу). Позвать солдат. Надеяться, что они не умрут со смеху, выслушав его историю о том, как она сменила кожу.

Вариант 2: Оставить всё так и посмотреть, куда это приведёт.

Пока что вело их на юг, они осторожно крались вперёд со скоростью два сантиметра в час. Через каждые несколько шагов не-Адель давала ему знак остановиться. Луке приходилось прятаться в темноте, пока она разведывала обстановку. Когда мимо кто-нибудь проходил, девушка проделывала тот же трюк, что и в переулке – прижималась к нему практически в поцелуе, морщила нос от запаха дерьмовой-влажной-кожи. Лука не знал, что делать с её близостью. Она обжигала его, как когда-то было в поезде, на борту «Кайтена», в бальном зале. Его тело поражали остаточные чувства: любовь, смешанная с ненавистью и приправленная шоком.

Кто, чёрт побери, эта девушка? Почему ему, как прежде, хочется её поцеловать?

«Не-Адель – это не Адель», – повторял он себе снова и снова, пока стоял неподвижно, не показывая ни единой эмоции, ожидая, когда опасность исчезнет.

Они пробирались через город. Сквозь кварталы, через переулки, мимо парков, по мостам, медленно, медленно. Стояла глубокая ночь и на небе сияли звёзды, когда они добрались до токийского порта, остановившись через улицу от доков. Лука не был архитектором, но мог с точностью сказать, что эти доки – послевоенное дополнение к водным путям японской столицы, с блестящими фонарями и необработанными досками. Несколько десятков лодок – пассажирские паромы, рыбацкие судна, лоснящиеся моторные лодки – выстроились вдоль пристани.

– Значит, так? – Лука кивнул в сторону доков. – Мы украдём лодку?

Девушка обернулась к нему. Тонкие ноздри затрепетали.

– Кажется, я просила тебя не разговаривать на немецком.

– На другом я говорить не умею!

– Так сделай нам обоим одолжение и просто заткнись.

Обычно в ответ на приказ Лука улыбался и делал всё наоборот. Но в переулке он уже успел оценить не-Адель и знал, что она запросто может бросить его здесь. Без неё он будет беглецом с немецких плакатов, застрявшим посреди Токио. (В переводе на язык Луки: покойником).

Так что он держал рот на замке.

– Я украду лодку, – продолжала девушка на немецком, тихо и уверенно, чтобы он мог понять. – Ты будешь сидеть здесь.

– Здесь? Один? – Лука громко втянул воздух и мгновенно пожалел об этом, его едва не вывернуло от вони влажной кожи. – Я так не думаю!

– Прошло всего несколько часов после случившегося. Скорее всего, СС попросили японцев усилить охрану вокруг выходов из города. Здесь могут быть патрули. Если меня поймают у лодок, я смогу что-нибудь соврать. Врать будет сложнее, если рядом будешь ты. Я вернусь за тобой, когда мы сможем отчалить.

Он не успел даже возмутиться, как девушка уже шагнула на дорогу. На этот раз она действительно растворилась: волосы, куртка, лицо – всё размазалось в тенях пристани.

Лука остался в одиночестве, отчаянно желая закурить и шурясь на доки в ожидании возвращения не-Адель. Вода в порту мерцала, похожая на ртуть в свете фонарей. Пару раз в темноте заметил быстрые движения, так бегать могли только крысы.

Ни патрулей. Ни девушки.

Минуты всё шли. Желание выкурить сигарету росло и съедало изнутри. Запах разлагающегося трупа или дерьма, окутывающий голову, стал совершенно тошнотворен. Лука подмечал «всё, но не фройляйн», счёт дошёл до трёх промчавшихся мимо машин и пяти крыс, когда понимание не слабее кулака Феликса Вольфа вышибло ему дух.

Не-Адель ушла. И она не вернётся.

Лука не мог её винить. Без него побег не-Адель даже не был под вопросом. Если б он сам оказался на месте фройляйн, выбирая из вариантов «сто процентный побег» и «ни черта шансов», то поступил бы так же. Больше смущало то, что Лука позволил себе попасться на крючок её «Я вернусь за тобой» и остаться торчать здесь, как приманка, в ожидании появления акул СС.

Он ставил на то, что у фройляйн есть сердце. А теперь начинал побаиваться, как бы ни лишиться собственного...

Голос – чем-то напоминающий голос отца – кружил в голове: «Одурачила девчонка. Опять? Поделом тебе, не надо быть таким мягкотелым придурком».

Лука устал быть приманкой. Он сорвал куртку с головы и накинул её на плечи, направившись к пристани. Вблизи доки были больше, чем казались через дорогу – лабиринт промышленных фонарей и исписанных кандзи штурвалов, ведущий к тёмным водам. Лука шёл по главному проходу – челюсти плотно сжаты, сердце колотится, – миную пустые доки.

Четвёртый по счету не пустовал. Тёмная фигура кружила на границе островков света, останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы изучить пришвартованные суда.

Пульс Луки стучал в горле, когда он крикнул: «От меня так просто не избавиться, фройляйн!»

Человек развернулся, выступая в свет фонарей. Лука ожидал увидеть чёрную гоночную куртку и раздутые от злости ноздри, вместо этого взгляду предстали оливково-зелёная фуражка, холщовая куртка и тонкий ствол винтовки...

Не фройляйн, а солдат Императорской армии Японии.

Проклятье!

Двое замерли, рассматривая друг друга, – короткий момент потрясения. А потом солдат выкрикнул слова, которые Лука не мог распознать. По крайней мере, буквально. Смысл он понял прекрасно. (В переводе на язык Луки: Охотник сам стал жертвой).

Лука Лёве снова выругался (на этот раз вслух) и бросился бежать.

Глава 7

В порту имелось несколько судов, на которых можно было сбежать, но Яэль не теряла времени, сравнивая их достоинства. Лодка, которую она выбрала, ничем не отличалась от других: достаточно маленькая, чтобы её не было видно на береговой линии, с весьма сильным двигателем, чтобы пересечь более глубокие воды, чтобы перевезти их с Лукой через Восточно-Китайское море обратно на

материк.

Изучив приборную панель моторной лодки, Яэль сообразила, что проводка в ней не особо отличается от установки, которую использовал Влад, обучая её заводить транспорт без ключа: красочная, с множеством проводов, предельно простая. Потребуется всего несколько секунд, чтобы завести двигатель.

– Он здесь! Нужно подкрепление!

– Грёбаное дерьмо!

Два крика на разных языках, оба всего в нескольких доках от неё. Яэль бросила приборную панель, когда их услышала, проклиная Луку на всех шести известных ей языках. Стоило предвидеть, что Победоносный не станет сидеть тихо. Но Яэль даже не подозревала, что этот парень настолько безмозглый, что может наткнуться на патруль.

Новые крики – все на японском – разнеслись по докам. Один из них всего в нескольких метрах к северо-востоку от неё. Другой донёсся с запада. Вопль на юге. По подсчётам Яэль, по меньшей мере, четверо солдат. Не то количество противников, с которым легко справиться в одиночку.

Но и не невозможно.

«БРОСЬ ЕГО БЕГИ БЕГИ БЕГИ»

Приборная панель болталась на проводах – красный, жёлтый, чёрный. Понадобится всего десять секунд, чтобы соединить их и пустить искру в двигатель.

Десять секунд и одна жизнь.

«НЕ ГЕРОЙСТВУЙ НИЧТО НЕ ИЗМЕНИТ ТВОЙ ПОСТУПОК ОДИН РАЗ УЖЕ ВЫБРАЛА СМЕРТЬ, ЧТО МЕШАЕТ СЕЙЧАС?»

Что мешает сейчас?

Крики приближались. Даже если Лука каким-то чудесным образом сам спасётся из доков, он не сможет выбраться из города. Он слишком светловолосый, слишком громкий, слишком он.

Она снова мысленно прокляла Луку. Прокляла солдат за то, что патрулировали именно эти доки и именно сейчас. Прокляла себя за то, что выпрыгнула из лодки и достала из кармана П-38.

Яэль не ринулась в бой, сломя голову, паля из пистолета. Не тому учил её Влад. Вместо этого Яэль пряталась в темноте, перепрыгивая с лодки на лодку, перебираясь по кормам, пока не достигла самой высокой. Отсюда можно было оценить сложившуюся ситуацию.

Всё было плохо.

Лука попал в ловушку на главном причале, попав под прицел трёх винтовок «Арисака» типа 99. Их дула целились ему в грудь, направляемые руками патрульных, таких же потрясённых, как и сам Победоносный Лёве. Солдаты взволнованно переговаривались.

Первый солдат: «Это один из Победоносных!»

Второй солдат: «Что он здесь делает?»

Третий солдат: «Это он позвал Заключённую с собой на Бал Победителя. Должно быть, сбежал вместе с ней...»

Лука (на яростном немецком): «Вы собираетесь стрелять или нет? Если да, лучше покончите с этим побыстрей».

Первый солдат: «У него на лице рис?»

Третий солдат: «Воняет от него, как от дворняги».

Диалог перерос в соревнование на лучшее оскорбление. Солдаты, казалось, не были уверены, что делать с Победоносным теперь, когда они его поймали. Четвёртого патрульного нигде не было. Должно быть, побежал сообщать об их

находке по радио.

Если Яэль собирается спасти Луку, нужно действовать сейчас.

Она поднялась со своего наблюдательного пункта на носу судна и крадучись направилась на пристань, подбираясь ближе к веселящимся солдатам. Двое стояли к ней спиной, а третий был слишком увлечён шутками капитана, чтобы заметить движение в тенях у дальнего дока. Руки Луки были подняты над головой, внимание сфокусировано на ружьях. Челюсть напряжена до предела.

Во время Гонки Оси Яэль видела, как Лука обезоруживал советских солдат и ломал им носы с жестоким, решительным изяществом. Победоносный был хорошим бойцом, когда не стоял под прицелом «Арисак». Ему нужно было отвлечь солдат, и Яэль могла это обеспечить.

Она сняла П-38 с предохранителя, сжала рукоять и нацелилась на воду. Палец лёг на курок, выжидая подходящего момента.

Но он так и не настал.

Металлическое О толкнулось ей в спину, сопровождаемое таким же жёстким приказом: «Не двигаться».

Четвёртый солдат не пошёл к радио. Он ждал Яэль.

– Сюда! – позвал он остальных на японском.

Сердце Яэль отбило давно знакомый ритм: вспышка, удар, тишина! Мозг её припоминал тренировки Влада, не обращая внимания на страх. Многих людей ствол винтовки «Арисака», упёршийся в спину, парализовал бы. Но не Яэль. Она развернулась и сделала стремительный рывок. Четвёртый солдат нажал курок, опоздав всего на долю секунды. Пуля не попала в цель (хотя Яэль ощутила её дыхание, близкую смерть, которая вновь её миновала), устремившись в сторону патрульных. Яэль схватила солдата и толкнула его с края пристани. Затем обернулась к остальным.

Выстрел не задел никого, когда девушка посмотрела на Луку и солдат Императорской армии, её ждала не кровь, а недоумение. Винтовки покачивались, руки опустились. Лука ринулся на ближайшего солдата; сцепившаяся пара превратилась в размытое пятно коричневой кожи и зелёного цвета. Два других патрульных направили стволы своих «Арисак» в сторону Яэль и открыли огонь. Прицеливались они небрежно, безумно. Первая пуля вспахала дерево у ног девушки. Вторая просвистела у неё над плечом.

Мужчины завозились с патронами, давая Яэль ценные секунды, чтобы спрятать П-38 и ринуться в бой. Один из солдат бросил перезаряжать винтовку и достал штык. У Яэль не было времени доставать спрятанный в ботинке нож. Они встретились: голые руки против лезвия штыка. Солдат оказался талантливым бойцом: предвидел её первый удар, увернулся от него и нанёс свой. Уклонение Яэль не было достаточно быстрым: кончик штыка проехался по куртке, вспарывая лишь её, не живую кожу. Второй удар девушки оказался намного успешней. Яэль ощутила, как костяшки пальцев соприкоснулись с плотью, врезались в хрящ.

Солдат отскочил от неё, свободной рукой хватаясь за лицо; алый цвет стекал сквозь его пальцы. Яэль уже собиралась взять мужчину в захват, когда слуха коснулась череда душераздирающих звуков.

Плохо: пустая гильза упала на доски дока. Хуже: быстрый поворот и щелчок, звук винтовочного патрона, занимающего своё место. Ещё хуже: команда, озвученная сначала на японском, а потом на немецком, отчётливом, хирургически точном: «Руки вверх. Или буду стрелять».

Перезаряженная «Арисака» второго солдата была направлена прямо на Яэль. Он был слишком близок, слишком готов – от такой пули не ускользнуть. Яэль подняла руки. Беглый взгляд показал, что у Луки дела шли не лучше. Победоносный лежал на спине, от ярости скривив губы, полуавтоматический пистолет третьего солдата был приставлен к его горлу.

– Боюсь, произошла ошибка, – начала она, стараясь говорить на японском бегло. – Я всего лишь убиралась на отцовской лодке...

– Обыскать её! – рявкнул четвёртый солдат с края пристани, пока он пытался выбраться из воды.

Кровь ещё текла по лицу первого солдата, когда он схватил левый рукав Яэль. Потянул вверх. Ткань обнажила растрепавшуюся марлевую повязку, которую солдат сразу же сорвал. Под ней – стоя стремительных чернильных волков: бабушка, мама, Мириам, Аарон-Клаус, Влад. Её частички, её боль, она сама. Сейчас обнажённые, открытые для чужих глаз.

Раненый солдат ткнул пальцем в кожу Яэль. Его ноготь опустился на оскаленные клыки волка Влада.

– Вот те самые отличительные черты, о которых предупреждали СС. Заключённая.

– Замечательно. Теперь отведём их обратно во дворец.

Но... как эсэсовцы узнали о волках?

Феликс. Ещё один парень, от которого Яэль пыталась сбежать (успешно). Она надеялась, когда СС найдут брата Адель в её комнате связанным и с кляпом во рту, они признают его невиновным. В конце концов, она прокричала о своей истинной личности на весь мир.

Сердце Яэль упало. Ей стоило знать. В суде СС не имело значения, виновен ты или нет. Их правила гораздо суровей.

Что они сделали с Феликсом, чтобы развязать ему рот?

Что сделают с ней и с Лукой?

Яэль уже знала ответы на эти вопросы. Именно по этой причине у многих членов Сопротивления в подошве были спрятаны капсулы с цианидом. Поэтому, всадив три пули в грудь фюрера 16 мая 1952 года, Аарон-Клаус приставил пистолет к своему виску и совершил невероятное. Поэтому сердце Яэль продолжало падать, вниз, в самое отчаяние.

Жизнь или смерть.

Яэль сделала выбор, ещё когда стояла на носу того судна.

И на этот раз смерть достанется ей самой.

Глава 8

Жизнь Луки была отмечена тропинкой из хлебных крошек восстаний. В детстве это были маленькие, нерешительные ответы деспотичному отцу национал-социалисту. Язык, показанный портрету фюрера. Сигарета, выкуренная (хотя чаще выкашлянная) за магазинчиком господина Калера. То, что Курт Лёве ненавидел. То, что давало Луке почувствовать себя Лукой, а не леммингом, не верной дрожащей тварью.

Но в нём всегда оставалась та маленькая частичка, которая мечтала о блестящем красном велосипеде. Та же самая, которая ждала, что отец похлопает его по плечу и скажет: «Молодец, сын». Которая подвигла Луку стряхнуть пыль с отцовского БМВ R-12 и вступить в тренировочную программу Гитлерюгенда для участия в Гонке Оси. И заставляла его снова и снова садиться за мотоцикл, в снег и зной, после бесконечного числа аварий.

Эта частичка Луки хотела быть сильной, как его отец, даже сильнее: крепким, как кожа; жёстким, как сталь. Она толкала его вперёд, толкала, толкала – весь путь к победе в Гонке Оси в 1953 году.

После победы всё изменилось. Лука встретился с настоящим фюрером и не показал ему язык (хотя волосы на затылке встали дыбом; чисто инстинктивная реакция). Победоносный стал не просто частью душащей его системы, а её лицом. Его портрет был увековечен на плакатах с лозунгами «Слава Победе!», развешанных по всей империи. «Мы сильные, – думали арийцы каждый раз, когда видели их. – Мы столь непобедимы, что даже четырнадцатилетний мальчик смог пересечь континенты и победить».

Но когда сам Лука смотрел на эти плакаты, он не чувствовал себя сильным. Не ощущал правильность происходящего. Он чувствовал себя... поглощённым. Люди смотрели на него – мальчика в чёрной куртке, с волосами, подстриженными по-военному коротко, с приветственно вскинутой рукой, – но не видели его настоящего.

Так что хлебные крошки бунта и недовольства Луки становились всё крупнее, а Лука – всё смелее. Пачка сигарет в неделю. Коричневая куртка вместо классической чёрной формы гонщиков. Яростное высказывание – иногда два или три – о сложившемся положении вещей, всегда и только в правильной компании. Лука очень расчётливо нарушал правила. В самый раз, чтобы слыть бунтовщиком, но не получить билет в один конец до трудового лагеря.

Но после того, как фройляйн вернулась за ним, когда она вступила в бой с японскими солдатами и проиграла, когда оружие было отобрано, а руки – связаны, когда их запихнули в патрульный фургон, словно чёртов тюк сена, Лука понял, что совершил ошибку.

«Фактически, – размышлял он, пока фургон ехал по улицам Токио, – я довольно много ошибался». Спустился к докам. Преследовал не-Адель в саду. Пригласил её на Бал Победителя. Но самое главное, влюбился в неё (и не главное тоже, если на то пошло).

Девушка сидела рядом, устремив взгляд в окно, когда они въезжали в ворота Императорского дворца.

– Быстро мы вернулись, – пробормотал Лука.

Он смотрел на фройляйн и ждал. Ждал, что она закатит глаза. Возразит. Хоть что-нибудь. Но не-Адель продолжала смотреть в окно, лицо бледнее мела. Луке было бы легче, если бы она кричала. С ругательствами и обвинениями он мог бы справиться. Но с тишиной...

Луке никогда не нравилась тишина.

Её молчание было повсюду. Ещё вчера Лука прошёл в ворота Императорского дворца, сопровождаемый бурей оваций и вспышками камер. Сейчас ничего этого не было. На территории дворца было удивительно тихо для места, где только что был застрелен фюрер. Не было больше неистовых эсэсовцев, прочёсывающих сад. Фонари почти не горели; большинство окон погасло.

Лука и не-Адель были переданы СС и отведены в бальный зал. Здесь выключили музыку, избавились от гостей. Камеры «Рейхссендера» лишились операторов –

их шесть глаз ослепли, – но остались стоять, окружая усыпанный стеклом танцпол. Тело Адольфа Гитлера лежало среди осколков. Кто-то накрыл труп простынёй, когда кровь ещё не успела высохнуть. Пятна пропитали ткань. Красный цвет постепенно увядал...

Фюрер, человек, который всегда был превыше жизни – чьё лицо было повсюду, вечно (над каминной полкой в доме родителей, на экране телевизора, в каждом учебнике) – теперь стал пищей для червей, ожидающей своего часа. Лука – не беря во внимание возможность оказаться замешанным в убийстве, подвергнутым пыткам и казнённым – не был ужасно расстроен его смертью. Странно, но охранники из СС тоже не особо из-за этого убивались. Высшие чины даже улыбались: кровожадное выражение, не подчёркнутое ямочками и добрыми морщинками. Такому не место на лице человека.

– Победоносный Лёве, – пророкотал офицер СС, когда их вытолкнули к нему. – Такого я от вас не ожидал.

Чтобы поведать сказку о своих злоключениях, лучшего времени было не найти. У Луки был дар убеждения, который помогал выпутываться из проблем. (Для примера: убедить распорядителей Гонки Оси, что, да, он действительно носит коричневую куртку в знак уважения отца, ветерана войны. Разве главная цель гонки не показать, что нужно чтить семью и военные победы?) Но Лука понимал, что история, как он отважно преследовал девушку по всему Токио, чтобы самостоятельно её задержать, не сработает по одной простой причине: фройляйн пришла спасти его жалкую задницу. Она сражалась за него, как за союзника. Друга.

Доказательства сложились так, что теперь Луке не помогут ни уверенные ухмылки, ни изворотливые объяснения. Их с не-Адель судьбы связаны. Хорошо это или плохо.

В данный момент казалось, что очень-очень плохо.

Лука осмотрел форму офицера, пытаясь определить его чин. На среднем пальце мужчины поблескивало золотом кольцо-печатка – украшенное двойной руной «Зиг». Два посеребрённых дубовых листа на воротнике. Верный символ...

– Штандартенфюрер...

– Баш.

– Спасибо, штандартенфюрер Баш, – кивнул Лука. – Думаю, вы только что подсказали название для моей автобиографии.

«Лука Лёве: Такого мы от вас не ожидали». Книгу с подобным названием, пожалуй, будут читать лучше, чем «Мою борьбу»[4 - «Моя борьба» (Mein Kampf) – автобиографическая книга Адольфа Гитлера.]...

Штандартенфюрер СС прочистил горло, взгляд его переместился туда, где под охраной штурмманна СС стояла не-Адель. Её левый рукав был задран: волчья стая мчалась от запястья до локтя, чернея в свете люстр.

– А что насчёт тебя, Заключённая 121358.X. Никогда не думал, что лабораторная крыса доктора Гайера сможет зайти так далеко. Тебе действительно удалось убедить меня и моих ребят, что ты фройляйн Вольф.

Заключённая? Лабораторная крыса? О чём он говорит?

– Даже после стольких лет, вы, ублюдки, не в силах назвать меня по имени, – бросила не-Адель.

Все мысли о будущей автобиографии вылетели у Луки из головы, когда черты лица фройляйн начали меняться. В мечтательной полутьме сада процесс выглядел иначе, в ярком свете бального зала он был другим – более грубым и настоящим. Изгибы её лица сдвинулись; все линии азиатского наследия растворились. Волосы вытянулись из черепа – длинные и шелковистые, чисто белые. Кожа стала такой же бледной, без пигментов. А её глаза... они горели. Невероятным флуоресцентным голубым цветом. Яркие радужки Адель рядом с ними умерли бы от стыда.

– Я – Яэль, – сказала фройляйн.

Яаааааа-эль. Это имя было по-своему поэтично – несравнимо ни с одним немецким именем, известным Луке. Оно также не звучало по-японски или по-русски.

– Меня мало волнует, как тебя звала мать. Мне важнее знать, кто твои союзники. Их имена. Адреса.

Осколки разбитого фужера из-под шампанского хрустели под ногами штандартенфюрера, когда он шёл к Яэль. Та же беспокойная поступь, которую Лука видел у отца. Тот самый шаг, которым отец протаптывал круги на ковре в гостиной семьи Лёве. Который нервировал Луку до зубовного скрежета, потому что он знал, что за этим последует.

Кулак офицера рассёк воздух. Раздался глухой влажный удар, который напомнил Луке о вечерах, когда мать готовила шницели. Она стояла у мясницкого столика, отбивая кусочки телятины, пока они не становились бумажно-тонкими.

Голова Яэль запрокинулась, белые волосы взметнулись. Как знамя, требующее «не сдаваться».

Удар печаткой должен был стать чертовски болезненным, но девушка не издала ни звука. Цвет растёкся по бледным волосам, и в первое мгновение Лука подумал, что она вновь проделывает свой трюк с внешностью. Но когда Яэль дёрнула головой, откидывая волосы с лица, он понял, что это была кровь. Кольцо с рунами «Зиг» оставило на скуле порез. Из него свободно текла кровь, такая же яркая и красная, как у любого человека.

Девушка продолжала молчать. Глаза её горели.

– Имена! – Штандартенфюрер Баш вновь выбросил кулак. Раздался очередной удар, такой же влажный, глухой и тошнотворный, как первый.

Тишина.

Новый удар (снова молчание), ещё один (молчание) и ещё (молчание). Он бил с такой силой, что штурмманн, удерживающий Яэль, с трудом мог устоять на месте. Если бы плоть девушки была шницелем, её бы уже давно подготовили к жарке. Лука всё ждал, что Яэль сломается – заплачет, закричит, отреагирует, – но, чёрт побери, эта фройляйн со странным именем крепкая штучка. Казалось, она не чувствует боли. Может, и так. Но для Луки это было уже слишком.

Цвет, тишина, удар за ударом...

Слишком, даже чтобы смотреть.

– Эй! – услышал он собственный крик.

Удары прекратились, сменившись тяжёлым, kloкочущим звуком дыхания Яэль. Лука не мог оценить степень повреждений, волосы полностью облепили её щёки. Но этих избиений хватило бы любому мужчине, что говорить о маленькой фройляйн. Даже штандартенфюрер выглядел уставшим, доставая из кармана платок и стирая розовую морось с костяшек пальцев. Он потратил несколько лишних секунд, полируя перстень, а потом бросил испачканную ткань на пол.

Взгляд Луки нашёл глаза штандартенфюрера Баша. Цвета акульей кожи. Слишком спокойные.

– А сигареты у вас не найдётся? – поинтересовался Лука. – Я бы сейчас не отказался. Успокаивает нервы. Они немножко расшатанные...

Кулак, вспышка золота. Печатка действительно бьёт чертовски больно.

Лука тряхнул головой, избавляясь от искр в глазах, с трудом справляясь с болью от руны «Зиг» в челюсти.

– Можете в следующий раз избегать ударов по лицу? Я должен хорошо выглядеть во время интервью прессе.

– Уже слишком поздно, – ответил штандартенфюрер СС. На лице его не было ни тени улыбки. – Победоносный Лёве просит сигарету. Стоит ли нам сделать ему одолжение?

Спустя несколько секунд он достал сигарету и серебряную зажигалку. Шёлк, пшш! Завитки дыма сорвались с тонких губ Баша; огненная точка полыхала в его пальцах.

– Первое время сигареты сослужили нам хорошую службу. Хороший инструмент для пыток, с лёгкостью помещающийся в кармане. Но с тех пор, как был принят

закон о здоровье арийцев, они стали гораздо менее удобны. Противозаконно, дорого. Хотя я слышал, что вы к ним равнодушны.

– Я же сказал. Успокаивают нервы. – В данный момент нервы Луки были на пределе. Метались, бились, ВОПИЛИ, чем ближе штандартенфюрер подносил тлеющий огонёк к коже Победоносного.

– Знаете, что бывает, когда играешь с огнём? – проговорил Баш.

Ты можешь обжечься.

Ключица. Огонь поглотил верхний слой эпидермиса, испепеляя нервные окончания Луки. Нет, он будет жёстким, как сталь, крепким, как кожа. Он будет толкать, толкать, толкать себя через боль...

Лука старался не закричать. Вместо этого он прикусил губу.

– Хватит! – даже в голосе Яэль слышалась влага отбитого мяса. Она говорила, коротко выплёвывая предложения. – Лука здесь ни при чём. Как и Феликс. Они ничего не знают.

Вот дерьмо. Добрый жест с её стороны. Лука был искренне тронут. Но штандартенфюрер прав: уже слишком поздно. Победоносный твёрже встал на ноги – на том самом полу, где они недавно танцевали – и приготовился к следующему ожогу. Но сигарета безвольно повисла в пальцах офицера СС. Лицо его было... задумчивым.

– Эти двое... их нашли в доках?

Удерживающий Яэль штурмманн кивнул.

– В какой очередности? – спросил штандартенфюрер.

– Первым задержали Победоносного Лёве, – штурмманн повторил отчёт японских патрульных. – Девчонку поймали, когда она пыталась его спасти.

– Убийца, у которой есть привязанности. Как необычно.

И опять эта улыбка. Выражение, которое больше подходило настоящей акуле, а не лицу человека. От неё у Луки по спине пробежали мурашки.

– Лука и Феликс невиновны, – протест Яэль размазался по её разбитому лицу. – Отпустите их.

Очередной жест доброй воли. Но конец эпохи был слишком близок, смерть тлела на белых простынях, пряная и острая, как привкус на губах Луки. Кровь... и палёный запах его собственной плоти. Лука знал, это только начало. Видел в уголках улыбки Баша. По-акульи жестокой, приближающейся, ожидающей большего.

Штандартенфюрер поджёг новую сигарету, но на этот раз он перевернул её. Втиснул кончик между губами Луки. Пепел и удивление – Победоносный ими едва не задохнулся.

– Пусть эти двое побудут здесь, – проинструктировал Баш подчинённых. – Мне нужно сделать пару звонков.

Глава 9

Феликс не смог поднять ко рту стакан воды, принесённый Носом Картошкой, вместо этого он вылил её на сломанные пальцы. Жалкая попытка отмыть их. Его левая рука, всё ещё прикованная к кровати, неровными толчками выплеснула жидкость на раны. У Феликса не было тряпки, только край формы Гитлерюгенд, чтобы подсушить кровавое месиво. Он даже не понимал, почему беспокоится из-за этого.

Штандартенфюрера СС не было уже гораздо больше времени, чем занимает обычный телефонный звонок. Когда военный наконец-то вернулся, Феликс сидел, опершись о каркас кровати и плотно прижав руку к форме. Но Баш, кажется, не собирался ломать ему оставшиеся пальцы. Не приказал Носу Картошкой приготовить сапоги для ударов. Вместо этого он принялся мерить комнату шагами, наступая в кровавую лужу на полу.

– Я воодушевлён вашим недавним сотрудничеством, господин Вольф. Ваша информация касаясь отличительных знаков девушки уже принесла пользу.

– Вы... вы её поймали. – Феликса замутило. То ли от осознания случившегося, то ли от непрекращающейся боли, прокатывающейся по сухожилиям, то ли от запаха дыма, исходящего от формы штандартенфюрера. (От каждого пункта хотелось избавиться от содержимого желудка). – Как?

– Девчонка оказалась более сентиментальна, чем среднестатистический убийца. Это сработало не в её пользу.

Но... если девушка у них, нет нужды задавать опросы Феликсу. Что Баш здесь делает?

Позвоночник Феликса, казалось, переломился через столбик кровати, словно Нос Картошкой своими пинками и его вывел из строя. Феликс наблюдал за сапогами Баша внимательней, чем за раздувшей капюшон коброй, пока они хлюпали взад и вперёд по комнате. Поднимали ужасный, болезненный, горелый аромат...

– Девчонка – не единственная, кого мы поймали, – Баш остановился у прикроватного столика. Рука его потянулась к дисковому телефону – подняла трубку, набрала серию цифр.

О чём говорит штандартенфюрер? Феликса сильнее затошнило, когда офицер пробормотал в трубку: «Вы связались с Франкфуртом? Хорошо. Переключите их на линию».

Франкфурт. Дом. О Боже...

Баш перенёс телефон ближе, насколько позволила длина шнура, и прижал трубку – со всей силы – к уху Феликса. Сначала не было ничего, кроме тишины с помехами, а потом: «Феликс? Это ты?»

– Папа? – Да, это голос отца. Хриплый баритон, подчёркнутый возрастом и артритной болью, слабо раздавался через десятки тысяч километров. – Папа, где вы? Где мама?

Звук плача, высокий и прерывистый, стал ему ответом.

– В дом ворвались люди. Гестапо. Они забрали нас... Я не знаю, где мы. Ты ранен? Где твоя сестра? Что случилось на...

Палец Баша нажал на переключатель. Тишина оборвала голос отца.

Гестапо. Родителей задержало Гестапо. Это был один из худших кошмаров Феликса. Всего несколько часов назад он озвучил его в этой самой комнате девушке, которая не была его сестрой: «Если тебе удастся задуманное, что, по твоему мнению, Гестапо сделает с мамой и папой? Ты уничтожишь их...»

Но девушке было плевать на Вольфов, не так ли?

– Вы выдающийся человек, господин Вольф. Не многие братья проделали бы такой путь ради сестры. Двадцать тысяч километров, сломанные пальцы... – Штандартенфюрер окинул взглядом заляпанную кровью форму Феликса. – Очевидно, вы дорожите семьёй. Скажите, как далеко вы готовы зайти, чтобы уберечь родителей от беды?

Сердце Феликса дрогнуло, отбивая взволнованный ритм по крышке часов Мартина в нагрудном кармане.

– Я готов на всё, – серьёзно сказал он.

– Я так и думал, – отозвался Баш. – Ситуация изменилась. Девушка, выдававшая себя за вашу сестру, была лишь маленьким кусочком большого плана. Отечество в опасности. Пока мы говорим, в Германии происходит путч.

Революция? В Германии? Это невозможно, не с тем влиянием, которое имеют национал-социалисты. Раз в несколько лет на внешних территориях поднимались восстания – бунты в шахтовых лагерях, на нефтяных месторождениях, – но новости о них редко достигали экранов «Рейхссендера» прежде, чем восстания подавлялись. Вычищались с безжалостностью, с какой удаляют нерв из зуба: быстро, жестоко, болезненно.

Собрать силы, достаточные, чтобы напасть на самое сердце Рейха? Это уже не больной зуб. Это долгие годы гниения изнутри.

– Некоторые генералы воспользовались мнимой кончиной фюрера, чтобы обманом заставить свои подразделения Вермахта захватить столицу. Они арестовывают главных должностных лиц национал-социалистов. Попытка свержения правительства представляется весьма хорошо организованной. Они бы даже могли в этом преуспеть, если бы в их плане не было одного ключевого недостатка. – Баш замолчал, взглядом разбирая Феликса по кусочкам: загорелые руки, очень светлые волосы, сломанная переносица. – Сколько вам лет, господин Вольф?

– Семнадцать.

– Так молоды, – неодобрительно протянул офицер. – Слишком молоды, чтобы помнить... Много лет назад, во время войны, был похожий случай. Фюрера предали доверенные люди, которые запланировали убить его и захватить власть. Они тайно пронесли бомбу в «Вольфсшанце», штаб-квартиру Гитлера. Когда бомба взорвалась, предатели использовали смерть фюрера в качестве предлога, чтобы установить власть над Берлином. Но Гитлер пережил взрыв. Сопротивление было быстро подавлено, заговорщики арестованы и подвергнуты пыткам. Они выдали имена других заговорщиков, что привело к новым арестам и новым пыткам... Можете угадать, господин Вольф, сколько человек было казнено после этого инцидента?

Феликс понятия не имел.

– Три сотни?

– Пять тысяч. Пять тысяч предателей было уничтожено. И вот к чему мы пришли, почти двенадцать лет спустя, очередной путч. Очевидно, корни восстания, которые мы пытались вырвать окончательно, всё же сохранились. Пустили ростки... – Баш задумался, покачал головой. – На этот раз нужно действовать иначе. Сопротивление необходимо уничтожить полностью, искоренить всех вовлечённых. Вы, господин Вольф, нам поможете.

– Но я ничего не знаю. Даже когда я думал, что это Адель... она ничего не рассказывала. Я до середины гонки даже не знал, что Ада – вернее, эта девушка

– связана с Сопротивлением. – Было больно думать о тех разговорах теперь, когда Феликс знал, что за ними таится: ложь, ложь и ничего, кроме лжи. Всё в девушке – внешность и чувства, правильное и неправильное – было лишь искусно выполненной миссией.

– О, я не собираюсь выуживать из вас информацию под пытками. – Командир СС опустил глаза к мраморно-розовой луже. – Думаю, нам их хватило.

– Тогда... как...

– Если выпустить крысу из мышеловки, куда она направится? – Баш не стал ждать ответа. – Поспешит обратно в гнездо. Да, благодаря вашей информации о татуировках нам удалось захватить девчонку. Можно продолжать пытки в надежде, что она выдаст нам пару имён, но терпеть боль она умеет даже лучше, чем вы. Гораздо легче отпустить её и позволить привести нас прямо к штаб-квартире. Конечно же, я не могу отправить за девушкой кого-то из своих людей. Она слишком хорошо обучена. Это её отпугнёт.

– Вы хотите, чтобы это сделал я, – закончил Феликс.

Штандартенфюрер кивнул.

– Мы обеспечим вас инструментами, необходимыми для побега. Вам нужно завоевать доверие девушки и проследить за ней до штаб-квартиры Сопротивления. Когда раскроете их укрытие, свяжетесь со мной. Как, я вам расскажу. Пока вы следуете плану, ваших родителей никто и пальцем не тронет.

Удивительно, как умело штандартенфюрер может угрожать, не проговаривая ничего вслух. Феликс предпочёл бы более прямолинейное: «Провалишься, и мы убьём твоих родителей».

– Что насчёт Адель? – спросил он.

– Я поговорил с рейхсфюрером Гиммлером о помиловании, – ответил Баш. – Если всё пройдёт успешно, Адель будет оправдана.

То, что предлагал ему штандартенфюрер, было непростым делом. Не какая-то замена нерабочих деталей. Больше похоже на сбор двигателя с нуля – Феликс пару раз видел, как отец это делал. Болты выпускного коллектора, крышки клапана, головки блока цилиндров, шатуны... каждую крошечную деталь нужно снять, проверить и вернуть на место с идеальной точностью. Работа занимала недели и могла пойти прахом всего из-за одной неправильно размещённой детали.

Сымитировать побег, проследовать за тренированной убийцей до самой Германии, проникнуть в Сопротивление и провести СС в самое его сердце. Непростая задача, но всё же решение. Если Феликс справится, его семья – мама, папа и Адель – будет спасена.

А девушка... если бы вены Феликса не истончились от потери крови, в них бы всё ещё кипел гнев. Но он был измотан, и ярость тонула в новом, более глубоком чувстве. Эта девушка лгала Феликсу, использовала его, заставляла волноваться за неё, оставила здесь умирать. Она пыталась навредить его семье.

Девчонка заплатит за всё.

К слову о плате... Феликс дёрнул головой в сторону телевизора.

– А как же ваше «должна заплатить кровью»?

Вопрос едва сорвался с его губ, как помехи на экране исчезли, сменившись знакомой сценой: флаг партии национал-социалистов, висящий над стулом. Стулом, который каждую неделю появлялся в выпусках «Разговора с Канцелярией»: с высокой спинкой, обтянутый бархатом.

И он не был пуст.

На нём привычно сидел фюрер – абсолютно прямая спина, корпус слегка повернут, словно давно почивший король на портрете. Мертвенно-бледное лицо и ясные глаза, обращённые в камеру.

Это запись. Должна быть ей. Даже если бы фюреру каким-то образом удалось выжить после прямого попадания в сердце, он не сидел бы на своём стуле через

несколько часов после происшествия.

Но когда фюрер заговорил, всё сходство с призраком исчезло. Слова его были сильны, как никогда, выкованы из прочного металла слогов: «Мои соотечественники. Наша великая империя мира и чистоты находится под угрозой. Этим вечером многие из вас стали свидетелями отчаянного покушения на мою жизнь...»

Феликс уставился на экран, не в силах поверить.

Не запись. Не призрак.

Без единой царапинки.

«Само Провидение вновь защитило меня...»

– Запомните мои слова, господин Вольф, – голос Баша заглушил речь фюрера. Он смотрел на экран телевизора, на губах застыла полуулыбка. – Кровь будет. Более, чем достаточно. Скоро мир в ней утонет.

Глава 10

Карта Хенрики начала меняться.

Первые новости пришли из Каира, в 14:30. Расшифрованное Бригиттой сообщение – написанное карандашом – было простым:

Рейхскомиссар Штром арестован. Национал-социалистические силы сдались. Египет объявлен Республикой. Ждём остальных.

Остальные агенты засвистели и заревели, когда Бригитта прочитала новости. Каспер улыбался так широко, что на левой щеке стала видна ямочка. Йохан отсалютовал воображаемым бокалом: Ура! Райнхард поднял свой, не менее воображаемый, чтобы чокнуться в ответ. Хенрика добавила маркеры на

оперативную карту – насыщенный сине-фиолетовый цвет отметил границы Египта.

Один Рейхскомиссариат пал. Ради этого стоило преодолеть такое расстояние.

Доклады текли постепенно, создавая на карте Хенрики паутину линий огня из тонкой пряжи, удерживаемой кнопками. Восстания вспыхивали по всему Лондону и Дублину. Рим был в огне. Насилие не успело просочиться только в Германию, потому что здесь революция была облачена в военную форму. Многие мятежные генералы без проблем направили свои войска в стратегически важные пункты по всему городу. Райнигер со своим подразделением прошёл по Аллее Славы до Зала Народа, совершив быстрые и тихие аресты. Геринга уже задержали, вместе с ним был захвачен и контроль над войсками Люфтваффе[5 - Люфтваффе – название германских военно-воздушных сил в составах рейхсвера, вермахта и бундесвера.]. (Согласно докладу, Геринг сидел в кабинете, покуривая праздничную сигару в честь своего «повышения»). Геббельс был ещё в Токио, нахождение Борманна и Гимmlера было неизвестно.

Алая волна отступала. Кусочек за кусочком, красный цвет угасал.

Адель снова начала биться в дверь. Грохот от ударов ногами по металлу, словно метроном, отсчитывали время для работающих в комнате. БУМ, БУМ. Получить код. БУМ. Ввести буквы на клавиатуре «Энигмы». БУМ. Записать полученное сообщение. БУМ. Внести заметки. БА-БАХ. Доложить генералу Райнигеру о победе в Египте. БУМ.

Порой к своему сольному номеру Адель добавляла слова: «Вы все за это заплатите!» Хенрика заглушала её крики стуком клавиш печатной машинки, задаваясь вопросом: эта девушка когда-нибудь устаёт? Она упряма, как осёл. Почти как Яэль.

Эта мысль напомнила Хенрике, что они до сих пор не получили от девочки вестей. В протоколе миссии Яэль не было сказано, что она обязана доложить о выполнении, да и в бегах передать сообщение Сопротивлению было почти невозможно. Хенрика подняла взгляд на тёмно-серые земли Японских островов.

Яэль ещё в Токио? Нет, конечно же, она уже выбралась...

– Хенрика, – голос Каспера звучал странно, заставляя польку посмотреть на него. Ямочка на щеке пропала. Трубка радио безвольно повисла в его руках.

Карандаш Бригитты упал на пол, но она даже не попыталась его поднять. У Райнхарда и Йохана были ошеломлённые, разбитые взгляды. Все четверо смотрели за спину Хенрике, в сторону телевизора.

Когда она обернулась, то увидела почему.

«Рейхссендер» снова транслировал передачу. Перед камерой сидел Адольф Гитлер. Живой и, судя по виду, абсолютно здоровый.

Он говорил: «Мои соотечественники. Наша великая империя мира и чистоты находится под угрозой. Этим вечером многие из вас стали свидетелями отчаянного покушения на мою жизнь. Победоносной Вольф, с её слабой женской душой, прочистили голову, заставив поверить, что без меня мир станет лучше. Само Провидение вновь защитило меня от тех, кто стремится разрушить наш образ жизни. Несмотря на все их старания, я не мёртв».

«Но опасность не миновала. И сейчас я взываю к людям Рейха, прошу вспомнить клятву, которую давали своему фюреру. Вспомнить о великом мире, который мы построили вместе, и не позволить чистой крови ваших отцов пролиться напрасно».

– Проклятье! – прошептал Каспер.

Ответ Хенрики был намного громче, намного хуже.

Грохот в кладовке оборвался, умер. Хенрика была готова поспорить на десять тысяч рейхсмарок, что Адель прижалась ухом к двери, слушая яростный и невероятно живой голос фюрера.

«Наше возмездие будет стремительным и безжалостным. Мы заберём кровь за пролитую кровь. За пулю, выпущенную в Токио, тысячи обрушатся на головы предателей Отечества. Сопротивление будет уничтожено без колебаний...»

Казалось, руки Хенрики двигались сами по себе, ударяя по печатной машинке, пальцы коснулись клавиш «Олимпиа», не попадая по ним. Машинка упала на пол, с грохотом разбиваясь о бетон кучей покорёженного металла и чернильной ленты. Документ, над которым работала Хенрика, был усыпан буквами. «Величайшая победа – Фюрер Адольф Гитлер мёртв – и самая маленькая – Каир объявил себя Республикой», а в конце СМЛБЖ ЯГШЩ ЙЦУК, набор случайных букв.

На этом моменте история операции «Вторая Валькирия» прерывалась.

Глава 11

У Яэль был свой стиль стрельбы: левая рука поднята и вытянута вперёд. Адольф Гитлер стоял перед ней, снова (до сих пор) живой. Усы укрывали губу; надувшиеся вены оплетали виски. Глаза его были звеняще, маниакально голубыми.

«УБЕЙ УБЛЮДКА»

Яэль подчинилась: палец на курке. Пуля просвистела сквозь золото бального зала, впиваясь фюреру в грудь. Сначала была лишь пустота – провал в плоти, где раньше было мясо.

Потом появилась кровь. Хлестнула наружу, повсюду.

Адольф Гитлер не закричал и не упал. Он начал меняться. Волосы вспенились белым, затем окрасились чёрным. Его глаза вспыхнули тёмным, темнее, ещё темнее, пока не стали того же оттенка, что у Цуды Кацуо. Это и были глаза Кацуо. Японский Победоносный стоял на месте фюрера, взгляд его после смерти стал даже острее. На его груди продолжал расцветать алый круг.

«Мне так жаль, мне так жаль, мне очень, очень жаль», – хотела сказать Яэль. Но вместо этого палец её непреклонно надавил на курок. В груди Цуды Кацуо появилось второе отверстие.

Он снова изменился, приобретая лицо Аарона-Клауса – каким она видела его в последний раз. Его лицо излучало веру, что он сможет всё изменить.

Его она тоже застрелила.

Опять и опять. Выстрел, изменение, выстрел, изменение. Меняющий кожу надевал лицо за лицом, лицо за лицом. Тёмные кудряшки Мириам. Мамины глаза цвета вечерних теней. Улыбка бабушки, словно составленная из клавиш пианино. Яэль выпустила больше пуль, чем могло поместиться в обойме её П-38. Выстрелы изрешетили их грудные клетки, отверстий было больше, чем мог бы вынести любой человек. Лица продолжали меняться, звуча в бесконечной молитве потерянных душ.

Они не хотели умирать. Не становились мёртвыми.

Сейчас они были сосудами с кровью, что вырывалась из многочисленных ран, оставленных Яэль. Растекаясь по полу, облизывая подошву её дзори[б - Дзори – вид национальной японской обуви, плоские сандалии без каблука, с утолщением к пятке.].

– Разве не этого ты хотела? – спросил Аарон-Клаус. – Разве не к этому мы так упорно готовились?

БАХ!

– Ты бросила меня, – прошептала Мириам. – Оставила умирать.

БАХ.

– Монстр! – взывала мать. – Она монстр!

БАХ.

Кровь достигла лодыжек, поднималась всё выше, выше, теплом коснулась коленей. Позади Яэль стояла толпа, но люди, казалось, не замечали, как красный цвет пачкает кимоно, пропитывает их костюмы. Они держали бокалы шампанского, гомон их бессмысленных разговоров становился всё громче,

громче, громче...

Пробуждение было странным. Не как после большинства кошмаров. Не было ни бешено стучащего сердца, ни молотящих по воздуху конечностей, ни промокшей от пота рубашки. Лишь темнота, шум, боль и уколы окровавленных волос на щеках, когда Яэль подняла голову, осматривая полутёмное помещение.

Стены: металлические и... изогнутые? Жёсткий пол. Сидения, обитые шершавой коричневато-жёлтой тканью. На сиденье напротив неуклюже лежал Лука Лёве; ожёг от сигареты на ключице поднимался и опускался с каждым вздохом. Гул толпы из кошмара продолжался, был невыносимо громким.

Двигатель самолёта.

Она вспомнила.

После ударов штандартенфюрера и упорного молчания Яэль, военный исчез. Яэль, Лука и их охранники остались в бальном зале с неизвестным меняющим кожу прикрытым простынёй трупом. Утекали часы. В окна проникли первые лучи рассвета, плавно перешедшего в утро, а потом и в день. Охрана сменилась. Кровавый саван и мёртвое тело двойника фюрера были убраны из зала. День медленно полз вперёд. Когда офицер СС, наконец, вернулся, с ним был Феликс Вольф. Издалека казалось, что на парне надета перчатка из лакированной красновато-бурой кожи. Но когда штандартенфюрер Баш подтащил Феликса ближе, Яэль рассмотрела два пальца его правой руки, раздавленных.

Он такого не заслужил.

Яэль поймала момент, когда Феликс увидел волков, увидел её. Вольф вздрогнул. Выше, выше поднимались его голубые глаза: минуя бабушку, маму, Мириам, Аарона-Клауса, Влада... по окровавленной и яркой коже её «классического» лица, пока их взгляды, наконец, не встретились. Глаза обоих были затуманены болью, внешней и внутренней. Яэль хотела что-нибудь сказать, но говорил уже штандартенфюрер, рассказывал, что их троих на самолёте отправят в обратно Германию для «более тщательного допроса» и судебного разбирательства.

Вместе с охранниками из СС их отвезли на полевой аэродром и погрузили в личный самолёт фюрера: Иммельман IV. Яэль, Феликса и Луку засунули в

хвостовой отсек и заперли за металлической дверью, лишили такой роскоши, как ватные ушные затычки и апельсиновый сок. Штандартенфюрер Баш и охранники бросили их одних, уйдя в переднюю часть самолёта.

Это показалось Яэль странным, но опять же, какой смысл оставлять охрану? Руки пленников были скованы наручниками и прикреплены к неподвижным элементам салона. (Запястья Яэль приковали к ножке стола, Луки – к каркасу его сидения). Но даже если им удастся освободиться, куда идти? Они заперты в металлической трубе в тысячах метров над неведомой глушью.

Но Феликса Вольфа это не останавливало. Парень сидел рядом с Яэль, его руки были прикованы к другой ножке стола. Света в кабине было очень мало – самолёт летел на запад, слишком медленно, чтобы обогнать ночь, – но Яэль всё же могла разглядеть месиво из содранной кожи и запёкшихся комков гранатового цвета, в которое превратилось его рука.

(Не удивительно, что ей снилась кровь).

По крайней мере, большой и указательный пальцы на правой руке вроде бы работали нормально. Феликс использовал их, пытаясь открыть замок наручников. Отмычка была грубоватой, но неплохой – ему удалось снять значок с формы Гитлерюгенд и придать булавке нужную форму, согнув её о край стола.

Но – как сказал Влад, когда Яэль только начинала обучение – вскрытие замков требует деликатности. Точности, которую покалеченные пальцы Феликса обеспечить не могли. Свежие раны скребли о металл наручников, пока снова не начали кровоточить. Раз в несколько секунд Феликс сбивался и ругался, едва удерживая в руках булавку. На его бледном, веснушчатом лице отразилась мука.

– Хватит! – Это слово не было первым (или единственным), что хотела сказать ему Яэль, но оно просто вырвалось. – Ты только делаешь себе больно!

Феликс продолжал крутить булавку. Он делал всё возможное, чтобы не смотреть на девушку. А Яэль делала всё возможное, чтобы не смотреть на кровь – стекающую по коже Феликса, вдоль наручников, собирающуюся на рукавах формы Гитлерюгенд.

Спустя ещё несколько минут гримас боли и ковыряния булавкой замок щёлкнул. Левое запястье Феликса было свободно. На взлом правого замка ушло заметно меньше времени. С громким клац наручники упали на пол.

– Протянете нам руку помощи, господин Вольф? – Лука уже проснулся и пялился на второго парня. – Мне даже не важно, что от одной из них осталась лишь половина.

Феликс обернулся. Лицо его было покрыто множеством ран, видимых даже в скудном свете кабины самолёта. Нос его всё ещё был заклеен после удара Луки, на виске остался синяк от последней встречи с пистолетом Яэль, губы покрылись красной коркой после пыток эсэсовцев. Он совсем не был похож на мальчишку с чёрно-белых фотографий в досье Адель. Не похож на парня, который бросил всё, чтобы помочь Яэль на дороге.

Феликс опустил на колени, отпирая наручники Луки. Но даже не двинулся, чтобы избавиться от оков Яэль.

– Где моя сестра? – Взгляд глаза в глаза был не столь болезненным, сколь... опасным. Феликс смотрел на неё с острой яростью, но Яэль это не удивило.

Она отняла у него любимого человека. После такого любой станет опасным.

Четырёх потерянных жизней (четырёх чернильных волков) достаточно, чтобы превратить человека в монстра.

– В безопасности. – Яэль надеялась, что это правда, и не только ради Феликса. После того, как она вырубил Адель в её квартире в Германии, Каспер отвёз девушку в подвал пивной Хенрики. Этот офис – сердце и душа Сопротивления. Если он не в безопасности...

– Я спрашивал не об этом, – взгляд Феликса стал острее. Костяшки здоровой руки напряглись.

Яэль посмотрела на них. Почти желая, чтобы Феликс нанёс удар. Прекрасно зная, что СС раздробит каждую оставшуюся косточку, чтобы вытянуть из изувеченного парня любую возможную информацию. Она не винила его за

рассказ о татуировках, но, если остался хоть малейший шанс, что устроенная Райнигером операция «Вторая Валькирия» ещё в силе, Яэль не станет рисковать ей напрасно.

– Это всё, что тебе нужно знать, – сказала она. – Адель в безопасности.

– Я бы не стал так волноваться, господин Вольф. – Лука вклинился между ними. – Ваша сестра более чем способна за себя постоять.

– Адель... – Что бы Феликс ни собирался сказать, он передумал и только покачал головой. – Ты её не знаешь.

Лука фыркнул и покачнулся на пятках.

– Как и ты. Фройляйн Хамелеон три чёртовых недели заставляла нас думать, что она твоя плоть и кровь.

Рот Феликса распахнулся, потрескавшиеся губы раскрылись. Он хотел что-то сказать, но не смог.

– Если она говорит, что твоя сестра в безопасности, значит, так и есть. Конец дискуссии, – отрезал Лука. – Меня больше беспокоит наше будущее обезображивание и возможное обезглавливание.

– Есть способы умереть и похуже, – Феликс понизил голос.

– Возможно. Но сам я из тех, кто предпочитает умереть во сне от остановки сердца, – возразил Лука. – Фройляйн – наш шанс этого добиться, но, проклятье, она нам не поможет, если будет закована в наручники. Так что, если ты не возражаешь, я заберу булавку?

Двигатели Иммельмана IV гудели, ревели, самолёт трясся, пролетая сквозь зону турбулентности. Брат Адель уронил значок Гитлерюгенд на пол и отошёл в сторону. Закатив глаза, Лука поднял булавку и принялся за наручники Яэль. В полной тишине она наблюдала за его работой, не зная, что чувствовать.

Выбирать было из чего. Злость – оправданная – за то, что случилось в доках. (Яэль до сих пор мысленно проклинала его на шести языках). Восхищение – заслуженное – тем, как он вёл себя с штандартенфюрером СС в бальном зале. А кроме прочего было ещё это неясное, потерянное ощущение.

Что теперь? Что теперь? Что теперь?

Лука поднял взгляд. Их глаза встретились – его, ошеломляющий, цвета шторма, и её мерцающий, неестественно яркий, – и Яэль вдруг поняла, что смотрит в них слишком долго.

– К слову о доках, – сказал парень. – Ты была рядом со мной последние три недели. Сама понимаешь, доверие – не самая моя сильная черта. Я повёл себя как придурок. Подлец.

– Да.

– Мне следовало подождать.

– Да, – согласилась Яэль. – Следовало.

Он воткнул булавку – грубо, слишком грубо – в замок. (Деликатность, как и доверие, не входила в список достоинств Луки Лёве). Яэль начала волноваться, что он может слишком сильно перегнуть булавку, сломать её. Она уже хотела спросить, знает ли Лука, что делает, когда...

Поворот, щелчок, свобода!

Первый замок, второй. Наручники Яэль упали на пол. Она потратила несколько лишних минут, чтобы вправить сломанный нос на место.

Что теперь? Что теперь? Что теперь?

Они всё ещё заперты, как в ловушке, внутри самолёта. Раненые, безоружные, в меньшинстве. Даже если бы удалось преодолеть металлическую дверь, разделяющую их и солдат СС, и каким-то чудом одолеть своих тюремщиков, оставался один маленький вопрос: как посадить самолёт? К такому Яэль не

подготовили даже годы тренировок.

Однако Феликса, казалось, это не пугало. Брат Адель прочёсывал кабину в попытке найти хоть что-то полезное. Подушки, одеяла, хрустальные бокалы, старые копии «Рейха». (В ХАНОЕ ГОНЩИКАМ ВЫДАЛИ НОВЫЕ РИКУО 98S – гласил заголовок). Он даже достал часы Мартина из кармана, со щелчком открыл циферблат и сразу же его захлопнул, видимо, решив, что ответов в них не найти.

Лука поднял один из бокалов и подкинул его в воздухе. Тяжёлый хрусталь звучно шлёпнулся в ладонь.

– Можно попробовать вырубить их, когда за нами придут.

Хрустальные фужеры против целой толпы эсэсовцев? Яэль покачала головой.

Иммельман IV снова содрогнулся. Яэль почувствовала, как пол под ней накренился, гравитация сместилась к носу самолёта. Они начали снижаться? Уже?

– А что это такое? – Феликс кивнул в сторону дальней стены кабины.

Все трое подались вперёд, чтобы рассмотреть предмет.

Это был красный рычаг.

И тогда Яэль вспомнила.

(Как можно было не вспомнить раньше?)

Иммельман IV – личный самолёт Адольфа Гитлера. Единственный самолёт, в котором он когда-либо летал.

Яэль рассмеялась. Звук вырвался из горла слишком легко. Лука и Феликс обратили на неё взгляды, на лицах застыла тень сомнения: «Она рехнулась?»

В первые недели планирования миссии Яэль много времени проводила с Райнигером, изучая схемы охраны фюрера. После сорока девяти покушений оборона Гитлера была почти герметична, что не останавливало Сопротивление от попыток дважды, трижды, четырежды проверить её и найти лазейки. Расписания дежурств, чертежи, планы транспортировки – все документы и схемы, в которых могла таиться разгадка слабого места. Райнигер лишь мельком взглянул на чертёж Иммельмана IV, прежде чем отбросить его в сторону. Яэль подняла с пола лист парафинированной бумаги, глядя на изогнутые, летящие линии, тонкие следы, которые напомнили о так любимой ей гравюре Валькирии.

– Почему нельзя напасть в самолёте? – спросила Яэль.

– Помимо отсутствия камер «Рейхссендера»? Иммельман IV неприступен. – Райнигер кивнул на чертёж в руках Яэль. – Невозможно точно узнать, когда фюрер взойдёт на борт, так что нет смысла устанавливать бомбу с часовым механизмом. Иллюминаторы сделаны из пятидесятимиллиметрового пуленепробиваемого стекла. Кабина фюрера укреплена сталью и оснащена отдельным аварийным люком. В спинке каждого кресла имеется парашют. Если во время полёта что-то пойдёт не так, Гитлер просто потянет за красный рычаг и будет таков.

Яэль – не девочка из воспоминаний, а та, которая не могла перестать смеяться, потому что не всё в этом мире несло смерть (не сегодня) – просунула пальцы под спинку ближайшего сидения и потянула. Подушка упала, открывая ремни, а под ними – шнурок. Она проверила следующее кресло, и следующее. Везде одно и то же: съёмные подушки, оснащённые парашютом.

Яэль просунула руки в лямки одной подушки с парашютом, а другую впечатала в грудь Луке: «Чего ждёшь? Надевай».

Победоносный перехватил путаницу ремней и крепежей, рассматривая их, словно большую паутину – с отвращением, будучи почти готовым уронить всё на пол.

– Ты хочешь, чтобы мы выпрыгнули из самолёта в этом?

– Я хочу, чтобы ты умер во сне. Старый и седой, – отозвалась Яэль. – А теперь надевай. И куртку не забудь, будет холодно.

Выражение лица Луки балансировало между страхом и отчаянным желанием выглядеть невозмутимым, когда он нашёл несколько одеял и обмотал их вокруг торса, прежде чем закрепить парашют.

Неплохая идея. Яэль тоже схватила половину оставшихся одеял, проталкивая их под ремни своего парашюта, а потом достала третью подушку и повернулась к Феликсу. На лице парня отражался ужас – гораздо больший, чем у Луки. Бесконечный ужас, подкреплённый медицинскими документами.

Акрофобия – сильный страх высоты.

Она уже видела Феликса таким, там, на дороге в горах, когда ему пришлось проехать через ущелье. Но там высота была всего двадцать метров... Здесь падение насчитывало тысячи.

– Нет-нет-нет-нет, – шёпот вырвался единым потоком. Он качал головой, всё тело сотрясала дрожь. – Это не... не...

– Феликс, – Голос Яэль был низким, резким. – Посмотри на меня.

На этот раз Феликс подчинился. Она видела, как страх съедал его заживо, поглощал зрачки, затопляя голубую радужку. Яэль удерживала этот тёмный-тёмный взгляд, пока наматывала одеяла поверх грудной клетки парня, продевала его руки в ремни парашюта, туго застёгивала крепления.

Когда Яэль удостоверилась, что ремни сидят крепко, она нашла шнурок и вложила его в здоровую руку Феликса.

– Досчитать до пятнадцати, а потом дёрнуть за шнур, – сказала она парням. – Когда приземлитесь, оставайтесь на месте. Я найду вас обоих.

Они уставились на неё. Лука кивнул. Лицо Феликса побледнело от страха.

Яэль дёрнула ярко-красный рычаг. В одно мгновение пол был прочным, надежным. В следующее – он разверзся, широко раскрывая челюсть навстречу хаосу. Тьма, холод и гул хлынули внутрь самолёта.

Яэль не представляла, что там внизу, как и не знала расстояние до земли. Кто сказал, что там вообще есть земля? Сколько морей покрывают сушу на территории между Токио и Германией? По грубым подсчётам (двигатели самолётов модели Фокке-Вульф «Кондор»[7 - Фокке-Вульф Fw 200 «Кондор» – немецкий дальний многоцелевой самолёт-моноплан периода Второй мировой.], на которой они летели, в среднем разгоняются до 335 узлов в час, путь занял примерно десять часов) они сейчас где-то на семидесятом меридиане на территории Рейха. Если пилот выбрал траекторию северней, то они далеко от всех больших водоёмов.

Единственный способ в этом удостовериться – прыгнуть.

Лука боком подобрался к люку. Золотистые волосы трепал ветел. Губы растянулись в бесчувственном оскале. Взгляд метнулся к Яэль; пальцы дёрнулись у лба в прощальном салюте.

А потом он прыгнул.

Даже ожидаемое, зрелище было шокирующим. Вот Лука здесь, и уже нет. Поглощён тьмой. Яэль потянула Феликса вперёд за ремни. Нужно действовать быстрее, если они хотят приземлиться близко друг к другу. Но брат Адель сопротивлялся, каждая клеточка его тела стремилась прочь от люка в никуда.

– Ты справишься! – закричала Яэль; мышцы вторили ей. Ей потребовались все силы, чтобы подтолкнуть Феликса к проёму. – Ради Адель!

Они стояли на самом краю. Глаза Феликса встретились с её в последний, четвёртый раз: совершенно прозрачные, широко раскрытые, чёрные, полные всех оттенков ярости, затуманенные страхом.

Яэль толкнула.

Феликса тоже поглотил хаос.

Она стояла одна на пороге голодной ночи. Головокружительная темнота и неведомые высоты завывали под ногами. Парашютные ремни на груди казались тонкими, как бечёвка. На мгновение – больше, чем на мгновение – Яэль поняла

страх Феликса.

Но невыносимо холодный воздух царапал кончики пальцев, хлестал по окровавленным-волосам. Звал...

«ПРЫГАЙ ПРЫГАЙ ПРЫГАЙ ЖИВИ»

И она бросилась в ночь.

Глава 12

Феликс падал. Страх так сильно сжимал горло, что он не мог даже закричать. В таком ужасе даже попытка зажмуриться ничего бы не изменила. Всё та же темнота и падение, темнота и холодные когти ночи у его лица. Казалось, внутренности остались где-то в кабине Иммельмана IV, а не полетели вместе с ним. Сердце отказывалась подчиняться даже самым базовым законам выживания, стуча и замирая, и вновь оживая, пока он падал...

падал...

падал...

Досчитать до пятнадцати, а потом дёрнуть за шнур.

«Один... два...» – Феликс шевелил губами, но не слышал собственных слов. Из-за ветра, гудящего в ушах, и из-за многочисленных инструкций Баша. Кусочки замысловатого плана роились в голове.

Используй значок Гитлерюгенд с формы, чтобы открыть замок наручников. Потом освободи Заключённую 121358.X. На стене кабины будет красный рычаг. Привлечь внимание девчонки к нему, но не слишком быстро. Вам нужно прыгнуть как можно ближе к четырнадцатичасовой отметке. У тебя есть часы?

Многое из того, что произошло за последние несколько часов, было подстроено заранее. От выбранного для Иммельмана IV воздушного пути до их размещения в личной кабине фюрера и спуска на подходящую для прыжка высоту. Всё это было частью плана штандартенфюрера – освобождение крысы из ловушки.

Но страх Феликса был настоящим. Он думал, что ради семьи готов на всё. Но теперь знал – постыдно, несомненно, – что сам он не решился бы на прыжок. Если бы девушка не подтолкнула его, Феликс был бы ещё в «Кондоре», на пути к Германии, новым сломанным пальцам и страшной судьбе семьи Вольф. Без могил.

Но девчонка подтащила Феликса к краю, посмотрела прямо в глаза и толкнула.

Ради Адель! Вот что сказала ему девушка, даже не представляя, как ужасно верны её слова. Какое благословение и проклятие таилось в одном толчке. Вольфы спасены, но будет много крови. Кровь за кровь. Кровь за отмщение. Мир потонет в ней.

Благословение, проклятие, благословение, проклятие.

А он всё падал...

падал...

падал...

Досчитать до пятнадцати. Конечно, эти секунду уже прошли! Феликс потянул за шнур. Парашют раскрылся, тонкая ткань взвилась в ночь. Ремни врезались в плечи Феликса. Мир встал на место.

Луна висела высоко над головой, ярко сияя, словно Адамова голова на фуражке Баша. Всё вокруг было серебристым и тёмным. Далеко внизу виднелись остроконечные кроны пышных сосен. Странно... разве здесь должно было быть столько деревьев?

Нет, нет, нет, нет... НЕТ!

В самолёте, открыв часы, Феликс обнаружил, что стрелки встали. Время замерло, и он понятия не имел, когда оно остановилось. Пять часов назад? Восемь? Три? Они летели уже так долго.

Именно в этот момент Иммельман IV начал снижать высоту. В этот момент Феликс испугался, что всего через несколько минут они приземлятся в Германии. Четырнадцать часов были на исходе. Сейчас или никогда!

Но Германии – её сверкающих памятников и грозного изгиба крыши Зала Народа – нигде не было видно. Земля была безмолвна, не освещена; насыщенно-темная дикая земля, раскинувшаяся на многие километры. Ни ферм, ни городов в поле зрения. Только деревья, деревья, деревья.

Они прыгнули слишком рано.

В отдалении, справа и слева, Феликс заметил парашюты других беглецов. Жизни Луки и девушки висели на волоске, лишь несколько сантиметров ткани отделяло их от падения, удара, смерти.

Это напомнило Феликсу, что и сам он всё ещё падал. Спускался туда, где не ступала нога человека.

Что будет, когда он достигнет земли?

Интерлюдия

Три портрета

16 мая 1952 года

ДО

Пустота давила на Вольфов, когда они собрались вокруг телевизора. Она проникла во все уголки гостиной – высушила полевые цветы в вазе на кофейном столике, покрыла тусклыми тёмными пятнами посеребрённые картинные рамы. Повсюду, куда бы Феликс ни посмотрел, чувствовалось отсутствие, но особенно ему не давал покоя стул. В его продавленных горчичных объятиях Мартин любил читать. Сколько вечеров брат провёл на этом стуле, листая сокращённую версию «Моей борьбы» и пытаясь притвориться, будто понимает её?

Теперь он стал святыней. Опустевшей по причинам, о которых никто из Вольфов не говорил. Шерстяной плед, брошенный Мартином утром в двенадцатый день рождения близнецов, оставался нетронут. Два года пыли, копящейся на крепкой пряже.

В доме Вольфов теперь было много пыли. Пыльные сугробы собирались на полках, оседали на страницах неоткрытых книг. Мать Феликса этого словно не замечала. Впрочем, она и не присматривалась. Большую часть времени мама проводила в полумраке спальни. Редким утром она выбиралась из кровати.

Сегодня было именно такое утро. Феликса и Адель освободили от школы, чтобы они могли посмотреть Ново-Германский митинг. (Возможность послушать речь фюрера, как объяснил директор, гораздо важнее занятий. Она способствует национальному единству и поднимает боевой дух). Адель хотела потратить свободное время на тренировки, улизнуть на гоночный трек, но Феликс решил, что Вольфам не помешает немного единства и боевого духа, и убедил сестру послушать речь. Ещё он уговорил родителей присоединиться, посмотреть трансляцию как настоящая семья.

Но даже когда они собрались вместе, ничто не стало как прежде. Родители сидели на диване, между ними – подушка. Взгляд матери был прикован к телевизору: стекло к стеклу. Кожа отца хранила следы многих лет работы с машинным маслом – на костяшках пальцев, под ногтями. Адель сидела на ковре с хмурым выражением лица, говорящим, что сейчас она хотела бы быть совсем не здесь. Только не здесь.

Феликс не мог её винить.

Он совершенно не представлял, куда сестра. Стул Мартина был под запретом, подушка между родителями источала такую же ауру неприкосновенности. В

конце концов, он сел на ковёр позади сестры, напротив дивана.

Никто не разговаривал, они молча смотрели на экран телевизора. Фюрера ещё не было. Играл оркестр; камеры постоянно переключались с музыкантов на собравшуюся толпу. За окнами дома Вольфов стояло дождливое франкфуртское утро, но небо Германии в линзах камер «Рейхссендера» было безоблачным. Ряды участников митинга пели партийные гимны, лица их освещали рвение и лучи солнца.

Мама принялась двигать ногой в такт музыке, постукивая Феликса по спине. Она мурлыкала, намечая мотив песни. Папа запел. Он знал слова наизусть. Его хриплый голос разносился сквозь пыль, дополняя мелодию жены. Даже Адель присоединилась к ним через пару строк.

Феликсу не хватило выдержки просто сидеть и слушать семейный хор. Он открыл рот и присоединился. Песня обрела форму.

В последний раз звучит сигнал призыва,

И мы готовы битву повстречать.

Пусть знамя Гитлера повсюду будет живо.

Неволе нашей больше не бывать!

Пустота никуда не делась. Но на мгновение Феликсу удалось заставить себя забыть о сильном баритоне Мартина, который никогда больше не присоединится к их голосам. В этот момент он смотрел на экран – на новые улицы Германии и улыбающиеся лица, на духовой оркестр и знамена – и не чувствовал разделяющего их расстояния.

В ЭТО ВРЕМЯ

Лука Лёве потерялся в лесу форм и салютующих рук, выросшем на Площади Величия. Его сапоги – лишь одни из сотни сапог, топчущих камень площади. Впрочем, была здесь и другая обувь – оксфорды и броги, высокие каблуки и скромные «Мэри Джейн», – принадлежащая мириадам журналистов и мирных граждан. Многие из них были германцами (не привыкнув к новому названию

столицы, они иногда оговаривались и называли себя берлинцами), другие же приехали со всех уголков Рейха. Митинг – призванный отпраздновать великую реконструкцию Германии, проведённую фюрером – проводился перед сгоревшим зданием старого Рейхстага. Народа на Площади Величия собралось невероятно много: целые тысячи. И все они жаждали увидеть выступление самого Адольфа Гитлера.

Лука не хотел быть здесь, но выбора ему никто не давал. Каждое публичное выступление фюрера посещают несколько избранных ребят из Гитлерюгенд. Они всегда стоят в ряд – в накрахмаленных формах, до ужаса одинаковые, – золотая жила для пропагандистских фильмов Геббельса.

За три часа до начала один из организаторов митинга показал парням их места, расставил правильно. Выстроив их в ровную линию, повернув их лица в сторону камер «Рейхссендера» и приказав «не отводить глаз от фюрера».

Но фюрера на сцене не было. Под развевающимися знаменами со свастикой духовой оркестр играл песню Хорста Весселя[8 - Политическая песня, которая являлась официальным гимном Национал-социалистической немецкой рабочей партии.], и некто по имени Альберт Шпеер пространно рассказывал о грандиозности и символизме недавно построенного Дома Народа. (Купол безобразного строения был таким высоким, что статуя на вершине – орёл, сжимающий в когтях земной шар – почти касалась полуденного солнца).

У Луки заболела шея. Ноги покалывало от онемения. Другим парням, должно быть, было столь же неудобно, но никто не решался сломать строй.

Когда Адольф Гитлер наконец-то вышел на сцену, раздалось громогласное ура. Ура Гитлеру. Ура победе. Это Ура звенело по всей Площади Величия; его мощь гулом отдавалась в барабанных перепонках Луки, заставляя парня морщиться.

В конце концов, приветственные крики затихли. Адольф Гитлер говорил о коммунистах и арийцах, о сплочении целых империй и их уничтожении. Фюрер едва начал свою речь, обещающую быть долгой, с летящей во все стороны слюной и ударами кулака о стойку оратора, но Лука его уже не слушал. Его смущали не только крики Гитлера, но реакция толпы во время запланированных пауз, её вопли – все так желали, чтобы этот мужчина их услышал, жаждали поймать слова Гитлера и сделать их своими.

Лука не хотел участвовать в этом, хоть и знал, если кто-нибудь увидит, что он не салютует вместе со всеми, последствия будут ужасными. В одной из пауз монолога он вдруг осознал, что может просто поднимать руку и двигать губами, ничего не крича. Никто не заметит разницы... Парни рядом с ним были слишком увлечены собственными воплями Ура, а камеры не могли уловить отсутствие голоса Луки среди общего хора.

Никто не слышал его молчание.

Пауза закончилась. Речь Гитлера текла над жадно слушающей толпой. Мысли Луки уплывали к тренировке Гонки Оси, которую он пропускал из-за этого митинга, когда что-то – нет, кто-то – привлекло его внимание. Мужчина был одет в форму. Коричневая рубашка и сапоги, такие же, как у Луки и сотен пришедших на митинг. Волосы его, почти полностью закрытые фуражкой, были странного жёлтого цвета. Он ничем не выделялся из толпы, кроме одного очень простого факта: этот мужчина двигался.

Остальные коричневорубашечники стояли прямо, устремив взгляды на фюрера, как им и приказывали. Лука же не мог оторвать глаз от мужчины, медленно продвигающегося вперёд, минующего ряд за рядом, осторожно, едва различимо.

Никто больше его не замечал.

Речь фюрера достигла высшей точки безумия: лицо красное, усы дрожат.

«Мы оставили руины старого Берлина позади, встретили с распростёртыми объятиями монументальное великолепие Германии. Строений грандиозней не бывало в истории! Зал Народа станет храмом, к которому обратятся глаза всего мира! Величайшее доказательство продвижения арийской расы!»

Мужчина в форме тоже «продвигался», пробираясь всё ближе к сцене. Оставалось всего два ряда, и другие Гитлерюгенд тоже начали его замечать. Вместе со всеми Лука увидел, как мужчина снял фуражку. В считанные секунды показались тёмные корни его волос, а потом внимание привлекло нечто более шокирующее – револьвер, спрятанный в фуражке.

Лука ждал, когда мужчина что-нибудь крикнет, но он не обронил ни слова. Лишь поднял пистолет и позволил пулям всё сказать за него.

Раз.

Два.

Три.

Три выстрела. Намного сильнее, намного оглушительней, чем крики ура. Каждый выстрел достиг цели, груди Адольфа Гитлера.

Фюрер подавился словами и собственной кровью, обрушиваясь на пол – куда именно, стоящий вплотную к сцене Лука увидеть не мог. Взгляд его метнулся к стрелявшему. В глазах мужчины пылал огонь. Он не пытался сбежать. Своей неподвижностью стрелявший словно бы заставил двигаться всех остальных. Ни единая душа в тени Зала Народа не стояла на месте. Коричневорубашечники оглядывались по сторонам. Чёрные пятна униформ СС со взведёнными Люгерами прорывались к подножию сцены.

Пламя в глазах мужчины полыхало. Сильное, как пожар. Он снова поднял пистолет, поднёс его к своей голове.

Прозвучал четвёртый выстрел.

Площадь Величия терзали крики живых. Паника, страх, агония, волнение, слишком много волнения. Парни, которые столько часов смиренно стояли рядом с Лукой, сейчас кинулись кто куда, поддавшись стадному чувству и панике, грозя затоптать друг друга подбитыми металлом сапогами. Лука стоял на месте, подошвы прилипли к камням Площади Величия. Рот распахнулся, но крика не последовало.

С ним осталась только тишина.

ПОСЛЕ

Яэль видела всё иначе.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Она сидела перед телевизором Хенрики, грызла кончик карандаша и, забыв о высшей математике, смотрела, как Аарон-Клаус – друг, выживший; тот, кто ерошил Яэль волосы, подшучивал над ней, называя слишком умной, и помогал притворяться, будто она, обычная девчонка – делает невообразимое.

Хлоп.

Карандаш Яэль треснул при звуке четвёртого выстрела. Лунно-серый графит окутал язык. Вкус едкий, словно пепел.

Нет. Не он. Не надо ещё и его.

Она знала, что это случится. Смерть приходила всегда. А Аарон-Клаус жаждал встречи с ней – стоять лицом к лицу с фюрером, с револьвером в руке. Неужели только вчера они говорили о том, что нужно шагнуть вперёд, убить ублюдка, изменить мир?

Митинг развалился, как карандаш Яэль: крики, солдаты СС, мирные граждане, коричневорубашечники – всё слилось в одно. Канал «Рейхссендера» потонул в хаосе, затуманился помехами.

Хенрика вошла в кабинет, поморщившись при виде экрана: «Что не так? Он сломался?»

Светлая кудряшка упала женщине на лоб, когда она наклонилась к телевизору, поворачивая ручку питания. От помех к тишине.

– Аарон-Клаус, – сейчас, когда Яэль произнесла это имя, оно прозвучало совсем иначе. Словно все его буквы были окаймлены свинцом. Такое ощущение вызывали все ушедшие имена, каждый раз, когда Яэль позволяла себе думать о них: бабушка, мама, Мириам. Тяжелые, тяжелейшие. У всех один вес – вес потери.

– Клаус, – поправила Хенрика. – Никто не должен слышать его настоящего имени. Его могут арестовать и вызвать на допрос.

Яэль уставилась на пустое стекло экрана телевизора. Сейчас в нём отражалась она сама: хрупкая девочка-подросток, светлые хвостики, глаза цвета лишайника – лицо, которое Яэль выбрала для себя так давно, когда Аарон-Клаус нашёл её у реки. С тех пор она ни разу его не изменила.

Но оно казалось чужим. Оно и было чужим (большую часть черт она украла с плаката, призывающего вступить в Союз немецких девушек). Яэль смотрела, как странная девушка в телевизоре открывает рот и говорит:

– Только что Аарон-Клаус выстрелил в фюрера. Только что Аарон-Клаус застрелился.

Нереальные слова. Истина в худшем её проявлении.

* * *

Яэль встала на колени посреди бетонной коробки кабинета. Экран телевизора по-прежнему был тёмным, мёртвым. У её колен была свеча, в руках – спичка, а в сердце – воспоминания.

Ты никогда не должна забывать мёртвых.

Так наказала ей Мириам после смерти матери. Старшая девочка вытянула несколько соломинок из матраса и переплела их, сделав мемориальную свечу. Без воска и без фитиля, но это было неважно. Им всё равно нечем было её зажечь.

На этот раз огонь найти удалось. Яэль провела спичкой по полу – красный реактив на её конце затрепетал, оживая. Оживая, оживая... что-то могло быть живым и гореть. Жар пламени танцевал на кончиках пальцев, когда Яэль подносила его к фитилю. Он поймал огонь. Удержал.

Религия – одна из множества вещей, что ей пришлось оставить в лагере. Мамина молитва об излечении, свеча Мириам, призрачные воспоминания о пасхе... лишь эти кусочки веры своего народа Яэль могла вспомнить. Она даже не знала слов каддиш, заупокойной молитвы. Аарон-Клаус, наверное, их знал. Он был единственным известным Яэль человеком, у которого были похожие числа,

похожая кровь. Который мог знать, как попрощаться с самим собой...

Но как зажечь мемориальную свечу, Яэль знала. Она села, скрестив ноги, и смотрела, как пламя танцует в темноте. Маленький и простой огонёк, но он кое-что изменил.

ОН кое-что изменил.

Только эта мысль помогала Яэль чувствовать реальность. Среди слёз Хенрики и проклятий Райнигера. В непростительной тишине телевизора. Аарона-Клауса больше нет, но его смерть была значимой. Он сдержал своё обещание Яэль: шагнул вперёд, изменил всё, убил ублюдка.

И ради этого... ради этого нужно не сдаваться.

Разве нет?

Яэль прижала колени к груди и, пока неотрывно смотрела на пламя, пока слёзы на глазах размывали его огонь, она ответила себе «да».

Так должно быть.

* * *

Вопрос: Как долго может гореть свеча?

Ответ: Пока от неё ничего не останется.

Свеча Аарона-Клауса горела двадцать шесть часов. Пламя уже умирало – сжалось до болезненной голубой каёмки, – когда в штаб-квартиру ворвался Райнигер. Лидер Сопротивления с такой силой захлопнул дверь, что вызвал порыв ветра. Он пронёсся по подвалу пивной, облизывая края сложенных в стопки папок.

Огонёк свечи потух. Поднялся дым, призрачными щупальцами потянувшись к бумажным самолётикам, которые они с Аароном-Клаусом сделали вместе. Но

видела это только Яэль. Все остальные – Хенрика и другие германские боевики – смотрели на генерала национал-социалистов, задержав дыхание, ожидая вердикта.

– Он жив, – сказал Райнигер. – Ублюдок выжил.

Никто не проронил ни слова. Яэль не отрывала глаз от дыма, следя, как он поднимается. Растворяется, пока не осталось даже лёгкой дымки. Она знала, что Райнигер говорит не об Аароне-Клаусе.

Когда новость о том, что фюрер жив, достигла общественности, телевидение тоже вернулось к жизни. Экранные пиксели мерцали ярче, чем обычно. Адольф Гитлер – «Рейхссендер» назвали это чудом – смог выжить после трёх пуль, выпущенных Аароном-Клаусом ему в грудь. Сорок девятое покушение на убийство.

Вопрос: Сколько раз один фюрер может выжить?

Вопрос: Сколько раз один недоубийца может умереть?

Ответ: Столько раз, сколько «Рейхссендер» решит повторить эту сцену.

Они показывали эти кадры снова и снова, и снова, и снова. Все четыре выстрела.

Мгновение увековечили.

Очередная смерть оказалась напрасной.

Часть II

Дикая земля

Ходьба пешком никогда не была любимым способом передвижения Луки Лёве. Медленно, с плохим соотношением затраченной энергии и фактически покрытого расстояния. Его мотоциклетные ботинки начали впиваться в пятки при каждом шаге. Лука был почти уверен, что если снимет их, то найдёт на ногах волдыри размером с Везувий, и с его же «взрывоопасностью».

Но шанса снять ботинки у него не было. Приземлился Лука не особо грациозно, в переплетение сосновых веток. Ему потребовалось в лучшем случае полчаса, чтобы избавиться от ремней парашюта и добраться до земли, не переломав ноги. К тому времени Яэль его уже искала. Это было похоже на игру в жмурки: темнота, крик, темнота, крик – и так до тех пор, пока фройляйн не вывалилась из леса с бледно-зелёным Феликсом на буксире.

– Идём, – сказала она, крепко сжимая свой вновь сложенный парашют. – Нельзя медлить, вдруг наше приземление кто-то заметил.

В возможности оказаться замеченным Лука начинал сомневаться. В этих местах не было ни единого признака существования других людей, не говоря о цивилизации. Они уже много часов брели по талым остаткам зимних сугробов, мимо сосновых стволов, пихтовых, рябиновых... бесконечных рядов деревьев.

По крайней мере, казалось, Яэль знает, куда идёт. После бального зала внешность она не изменяла – волосы всё такие же белые, глаза ядовито-голубые, – быстрые движения делали её ещё больше похожей на ртуть. Одновременно струящейся и смертоносной. Она вела их на юго-восток, в сторону тяжёлых рассветных облаков. Несколько раз они останавливались у ледяных ручьёв ради долгих, жгучих глотков воды. Яэль отломала пару ветвей у ближайшей сосны, ощипала с них иглы, словно перья с птицы, и вручила парням.

– Пожуйте, – сказала она. – Это поможет перетерпеть голод, пока не найдём место для привала.

Лука закинул сосновые иглы в рот: «Вкус как у Рождества».

Они всё шли и шли, а утро уже превратилось в день. Они перебирались с холмов на холмы, пока Луку не стало мутить не только от деревьев, но и от скользкой ледяной корки под ногами. Волдыри надувались под ботинками, пока один не лопнул, пропитывая ткань носка. Ключицу нещадно жгло – будто невидимый штандартенфюрер шёл рядом и бесконечно прижимал к коже сигарету.

Лука сейчас многое бы отдал за хорошую затяжку. Он был слишком шокирован, чтобы воспользоваться возможностью и насладиться сигаретой, которую впихнул ему Баш. Она вывалилась у него изо рта в считанные секунды – стремительно улетающий пепел и крошечное обуглившееся пятно на полу бального зала, которое штурмманн СС сразу же затоптал. Какая потеря...

К слову о желаниях: Лука не отказался бы и от своего Цюндаппа. Не то чтобы мотоцикл здесь особо пригодился. Где бы это здесь ни было...

– Кто-нибудь знает, где мы находимся? – спросил он.

Феликс пожал плечами. После прыжка с самолёта он не проронил ни слова. Парень уверенно шёл вперёд, хотя последний час Лука стал замечать, что шаг его замедляется.

Яэль посмотрела на них через плечо. Нос её определённо был в очень плохом состоянии; толстая красная линия на сломанной переносице точно соответствовала порезу от кольца на скуле. Остальная часть лица превратилась в отёкший кровавый синяк.

– Где-то на территории Московии, – ответила Яэль.

Территория Московии. Бывшие советские земли. Не удивительно, что здесь так чертовски холодно. Отец Луки много послевоенных лет рассказывал об этих местах – о морозных ночах в окопах и застывающем в баках горючем.

– Мы где-то посреди тайги, – продолжала Яэль, не прекращая путь, – судя по типу лесов и животным, их населяющим, держу пари, мы недалеко от Урала.

– От Урала? – лицо Феликса обострилось. – Но... мы же в нескольких днях езды до Германии.

– Пешком и того дольше.

– Разве не хорошо оказаться в нескольких днях пути от людей, которые хотят открутить нам головы? – поинтересовался Лука.

Но механик вновь погрузился в угрюмую тишину. Одежда из самолёта распахнулось за его спиной подобно плащу, когда Феликс запнулся о корень. Он взмахнул здоровой рукой, пытаясь удержать равновесие. Правая ладонь была спрятана от чужих глаз, засунута под запятнанную кровью рубашку.

– Здесь нам гораздо лучше, – сообщил ему Лука. – Территории Московии. Бесконечные земли съедобных сосен и... каких там животных ты здесь заметила, фройляйн?

– Чуть раньше я увидела соболя. А вот это, – она кивнула на ближайший клочок снега, он был серым от грязи, придавленным в некоторых местах, – волчьи следы.

– ВОЛЧЬИ?

– Мы в лесу, – напомнила Яэль.

– И явно пахиваем, словно проклятая мясная лавка. – Лука окинул взглядом побитое лицо фройляйн, окровавленную рубашку Вольфа. Может, здесь им и не лучше... – Да мы просто ходячий деликатес.

Яэль шагнула прямо на снежный островок, её узкие следы придавили отпечатки волчьих лап: «Они, скорее всего, слишком боятся людей, чтобы показаться».

– А если нет? – спросил Лука.

– Нужно не прекращать двигаться. Найти хорошее место для привала до темноты, – заметила она.

И они продолжили идти. Пейзаж особо не менялся. Деревья, деревья, снег, волчьи следы (теперь, когда Яэль показала отпечатки лап, Лука видел их повсюду), деревья, деревья, замёрзший ручей, деревья... И, наконец, дорога!

Когда Лука только её заметил, то решил, что это галлюцинации. Тропинка выглядела одичало, с грязными застывшими лужами и голыми ветками давно почивших сорняков. Но Яэль тоже её заметила. Девушка опустилась коленями в грязь, изучая путь.

– Она должна куда-то вести. – Лука встал у Яэль за спиной. (Но не слишком близко. Он видел рефлекс девушки в действии и искренне желал, чтобы солнечное сплетение/нос/его пах так и оставались нетронутыми). – Ведь так?

– Этого я и боюсь. – Яэль нахмурилась. – Мы снова на территории Рейха. Здесь стоит бояться не только волков.

Точно. Лука задумался: интересно, а плакаты с надписью «РАЗЫСКИВАЮТСЯ» уже успели напечатать? Наверное, они взяли фотографию Феликса из досье в Гонке Оси. Портрет Луки можно было взять со старых плакатов времён победы в гонке 1953 года, только замазать лозунг «Слава Победе!». Вместо фотографии Яэль он представил большой знак вопроса.

Они ходячий деликатес, головы, за которые назначена награда.

– Слушай, как бы мне ни нравились сосновые иглы, нам нужно найти нормальную еду, – сказал Лука. – Еду, лекарства, место для сна, и не попасться на обед волкам. Пойти по тропинке – неплохой шанс найти всё это.

Яэль кивнула, но хмуриться не перестала. Это выражение казалось поистине зловещим на её окровавленном лице: «Мы пойдём вдоль дороги. Не по ней. Если столкнёмся с кем-либо, мы даже сбежать не сможем, не то что дать отпор».

Ещё несколько часов они брели в тишине, слишком уставшие, слишком измученные, чтобы говорить. Шаг Феликса становился всё медленней и медленней, оборвавшись, в итоге, резким падением. Колени на земле, лицо и грудь распластаны на покрытом ледяной коркой и волчьими следами снегу. На улице подмораживало, но по лбу Феликса тёк пот, светлые волосы прилипли к лицу.

Он упал так ровно и лежал неподвижно, что Лука испугался, как бы парень не умер прямо здесь и сейчас. Но когда Яэль кинулась к механику, тот принялся лопотать, слабо отталкиваясь от земли здоровой рукой: «Нет. Н-надо идти. Я д-

должен с-спасти...»

Его голос потонул в приступе кашля.

– У него лихорадка. – Яэль перевернула Феликса на спину, вытаскивая больную ладонь парня из-под рубахи. – В ранах началось заражение.

Она была права. Даже его целые пальцы опухли и покраснели, надувшись до размеров небольших сарделек. Сейчас, когда Лука подошёл ближе, он понял, откуда исходила вонь. От неё его пустой желудок чуть не вывернуло наизнанку.

Брат Адель не сможет больше сделать ни шага, а значит, и они тоже.

– Итак, привал будет здесь. – Лука осмотрелся. Лишь мрачные сосны, окружённые густым ковром опавших иголок. Не лучший выбор места, если нужно спрятаться от ледяных ветров, блуждающих среди деревьев. И ещё хуже, если не хочешь стать закуской для волков.

Яэль бросила парашют, который несла всё это время, и принялась распиливать один из его тросов о ближайший камень.

– Я пойду поставлю пару ловушек. Посмотрим, что из еды ещё удастся найти. Оставайся здесь и присматривай за Феликсом. Попытайся раздобыть огонь. Когда я вернусь, сделаем из парашюта палатку.

Луке потребовалось в общей сложности десять минут, чтобы собрать ветки для костра, следуя смутным инструкциям из былых дней в Гитлерюгенд: сначала бумага или хворост для розжига, потом маленькие ветки, большие дрова в самом конце, не забыть оставить пространство для воздуха. Его куртка до сих пор была влажной после купания во рве (прошли почти сутки, но кожа была упряма). Пока они шли, Лука этого почти не замечал, но когда к вечеру температура начала падать, он осознал, что нужно развести костёр. Сейчас же.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Totenkopf (Адамова голова) – эмблема танковой дивизии СС «Мёртвая голова».

2

Olimpia Robust – печатная машинка из серии «Олимпия», производившаяся для СС.

3

Здравствуйте (яп.)

4

«Моя борьба» (Mein Kampf) – автобиографическая книга Адольфа Гитлера.

5

Люфтваффе – название германских военно-воздушных сил в составах рейхсвера, вермахта и бундесвера.

6

Дзори – вид национальной японской обуви, плоские сандалии без каблука, с утолщением к пятке.

7

Фокке-Вульф Fw 200 «Кондор» – немецкий дальний многоцелевой самолёт-моноплан периода Второй мировой.

8

Политическая песня, которая являлась официальным гимном Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

Купить: https://telnovel.com/grodin_rayan/krov-za-krov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)